

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 6 (81) 2011
ноябрь — декабрь

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

**Тема номера:
КАКАЯ СВОБОДА
НУЖНА ЧЕЛОВЕКУ?**

- князь, коего жалеют и славят,
коим восхищаются и удивлены
- когда государство окрепнет
и образумится...
- «карго» – груз, но груз пустой

СОДЕРЖАНИЕ

КАКАЯ СВОБОДА НУЖНА ЧЕЛОВЕКУ?

Игуменья Елисавета – Павел Демидов
Не расслабляться! 3

В.П. Свенцицкий
О свободе человека 12

Сергей Чертков
К 130-летию со дня рождения
и 80-й годовщине кончины. 12

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста. 14

Эдуард Сагалаев – Павел Демидов
Дорога к дому. 16

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Руслан Армеев
С днем рождения, дорогой князь!.. 20

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Павел Демидов
Счастливая судьба 22

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
Писатель Шипов не хочет «пасти» народы. 23

Ярослав Шипов
Рассказы 24

Интервью Дмитрия Шеварова
«Лампаде»
Год и вечность 26

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
«...И Богородицына слезка
Над хрупким нашим бытием» 27

Рисунки, стихи и притчи
классика отечественной
иллюстрации
Льва Алексеевича Токмакова 28

МИР ВОКРУГ НАС

Марина Нецветаева
Беби-бум местного разлива 31

Протоиерей Андрей Ткачев
Бесплодное подражание 34

Наталья Колесникова
Притяжение Тарусы 36

Юлия Антипина
Сила веры против
силы факта 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой
Корректор Т.В. Глазкова

Фото на обложке **Антон Хавторина:** храм во имя Живоначальной
Троицы Стефано-Махрицкого
монастыря

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054
www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 11.11.2011
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 3010181040000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1000 экз. Заказ № 1962
© Лампада, 2011

Не расслабляться!

Поистине прозорливостью святого обладал друг Сергия Радонежского монах Стефан. Провидеть среди дремучих чащоб такую красоту!.. Однако узрел, хотя тогда, шесть с лишним веков назад, ставил келью, желая лишь одного, – уединиться. Так начинался во Владимирской земле Стефано-Махрицкий монастырь.

В 1922 году обитель иноков закрыли, храмы взорвали, а жилым помещениям предписали служить интересам трудового народа. Расплодилось какие-то конторы и конторки, возникли общежития, появился пришлый и мутноватый люд. Несколько десятилетий упадка и запустения перечеркнули все, что создавалось веками. Эти-то останки и приняла в 1993 году монахиня Елисавета (Жегалова), ныне игуменья Свято-Троицкого Стефано-Махрицкого женского монастыря. Беседа с нею – перед вами.

– Тема номера, для которого мы беседуем с вами, звучит так: «Какая свобода нужна человеку?» Хотелось бы услышать от вас: есть ли вообще в монашеском делании место такому понятию, как свобода? Ведь монах – это человек, который полностью отсекает свою волю, и так далее... Все это вы знаете куда лучше меня. Но как все же со свободой? Нужна ли она монаху?

– Так вопрос вообще не стоит – нужна или не нужна? Свобода у монаха есть как данность, причем, я убеждена, куда в большей степени, чем у иного мирянина. Когда я переступила порог монастыря и столкнулась с тем, что то нельзя, это нельзя, именно тогда, как ни покажется странным, я почувствовала себя свободной. Свободной внутренне. То есть я почувствовала и поняла, что моя единственная дорога – это дорога к Богу, все ради Бога, все в Нем. И тогда действительно стало легко и свободно. Не скажу, что это состояние пришло сразу, потребовалось время, чтобы я в него вжилась, но даже сам процесс уже был обретением свободы. Я думаю, для нас понятие свободы отличается от мирского. Что такое для нас свобода... Как это объяснить-то?

– **В миру, наверное, больший акцент на физической свободе.**

– Да, там зависимостей у человека гораздо больше. Зависешь от обстоятельств, от денег, от работы... Я вспоминаю свою жизнь в Москве: там вообще не имела никакой свободы. А теперь я и все мы освободились от зависимости от законов мирской жизни. Нет, дорогу на красный свет мы не переходим, не совершаем поступков, нарушающих правила общежития, но

мы свободны от страстей. Или, во всяком случае, стремимся к этому, потому что монашеская жизнь, в отличие от мирской, от светской, не провоцирует нас на зависимость от них.

– Свобода от греха.

– Именно!

– **В отличие от мира, который бьется за свободу для греха.**

– Но это не только монашеское правило. Свобода от страстей, от греха – это относится и ко всем православным христианам, где бы они ни жили и чем бы ни занимались. И это есть великая свобода – свобода в вере, в Боге, потому что именно Бог учит нас жить так. Вкусив этой свободы, человек от нее уже не отступит. Поэтому, когда человек приходит к Богу, к вере, его хоть убей, он уже не отступит. Ведь святые, когда себя запирали в келию: крохотное окошечко, четыре стены... – разве они тем самым лишали себя свободы? Как раз напротив – они обретали ее!

– **Сколько сейчас у вас таких вот свободных?**

– Восемьдесят.

– **А первый десант начинался...**

– С трех человек. Мы еще были скитом от Александровского монастыря. А когда получили статус самостоятельной обители, нас стало человек двенадцать.

– **Почти пять лет вы – ставропигиальная обитель, а это налагает особые обязательства.**

– Не всем они оказываются по плечу.

– **Все устраивается, да?**

– Пожалуй, это слово подходит. Если раньше можно было что-то позволить или на что-то закрыть глаза, сейчас такое уже недопустимо.

– **Как вообще дается статус ставропигиального монастыря? Это ходатайство самой обители или самостоятельное решение сверху?**

– Ни в коем случае никак не ходатайство. А у нас это, можно сказать, чудесным образом произошло. Вообще-то, мы хотели, чтобы нас приписали к Троице-Сергиевой лавре, как это было в XIX веке. Но прежний Патриарх решил дать нам статус ставропигиального, то есть не подчиняющегося местной епархии, монастыря. Для нас это была великая честь, о которой мы даже не могли подумать.

– **А ставропигиальность дает какие-то преимущества или в основном налагает новые обязанности?**

– Что вы, какие преимущества?! Только обязанности. Но я думаю, что это очень полезно – чувствовать ответственность за свое житье-бытье. Ведь на ставропигиальные монастыри смотрят как на образец. Монаху должно жить во внутреннем напряжении, в борьбе с собой, со своими помыслами, поступками, чтобы стяжать правильное духовное состояние – смирение, терпение. Но и внешнее положение, в данном случае статус монастыря, дополнительно не дает расслабляться. Для меня лично это так, и я постоянно говорю об этом же сестрам. Я думаю, это хороший стимул для совершенствования монашеской жизни.

Храм в честь основателя обители – преподобного Стефана Махрицкого

– А то, что вас окружает мирская жизнь, очень мешает?

– В городах еще хуже.

– Да уж. Когда приходишь, например, в Сретенский монастырь, в самом центре Москвы, сердце болит за братию – столько искушений, такая брань вокруг.

– У нас трудно летом, да и то – разве что машины пошумят да музыку иногда включают на речке или на озере.

– Но влияние мира – это не только и не столько акустическое воздействие.

– Разумеется, нет. Сегодня вообще мало где можно услышать тишину. Брань мира сего куда многообразней и изощренней.

– И как же вы противостоите ей?

– С Божией помощью. Мы стараемся принимать сестер в возрасте не моложе 23-25 лет, то есть приходят люди немного закаленные и зрелые. Они уже пожилы в миру, знают, что это такое, они все получили высшее образование и уже знают, чего хотят. В 16, в 18 лет мирские манки, конечно, могут стать соблазном. А для людей уже более-менее опытных такие контакты опасности не представляют. Да и особых-то соприкосновений нет.

– Я почувствовал даже нежелание контактировать с мирянами. Скажу откровенно, меня это даже в какой-то степени обижало. Словно невидимая стена стоит между мирскими людьми и сестрами.

– Это правильно. Только стена не должна быть соткана из материала с отрицательными свойствами – грубости, надменности, назидательности, холодности. Я, мол, монах, а вы там миряне. И хоть мы, я имею в виду монахов, не живем той жизнью, какая была до революции, не те подвиги, не та молитвенность, однако и сейчас монахи должны отличаться от мирян.

– А как, по-вашему, монастырь влияет на мирское окружение?

– Мне кажется, что на местных людей ничего, кроме негативного воздействия, эта близость не оказывает.

– Честно говоря, неожиданно! А почему так?

– Возможно, зависть... Я много думала над этим. Со многими разговаривала. Считают, что мы живем очень хорошо, не в пример мирянам. Ставят в

укор даже то, что мы продаем свои молочные продукты, хлеб. А нам сложно просто выжить. Все дорожает, доходов никаких, и приходится искать способы, чтобы свести концы с концами. А в ответ слышишь, что мы торгуем молоком, не имея на это права, и что мы вообще ни на что не имеем права...

– Обычно охотно говорят о правах те, кто не любит выполнять обязанности. Русскому человеку вообще свойственна обостренная реакция на социальную несправедливость. Но чаще только по отношению к себе.

– Нас-то уж никак не упрекнуть в том, что мы порождаем эту самую социальную несправедливость.

– Вас, – конечно, нет. Но, может быть, это чувство возникает при созерцании общего благолепия монастыря. Человек внутренне сравнивает собственный быт с тем, что видит у вас...

– А что он видит у нас?

– Взять хотя бы ваш новый храм. Такая красота...

– Храм, он и есть храм. И таким он должен быть. Не коровник же под него приспособливать. Мы славим Господа, и этим, по-моему, все сказано.

– В нашей мирской жизни мерзости запустения, к сожалению, с избытком. А тут – красиво и аккуратно одетые сестры, чинное поведение, достойная сдержанность и строгость... Все это, по-моему, и рождает то отношение, о котором мы говорим.

– И это очень прискорбно. Искушение завистью – одно из самых сильных. Чтобы побороть его, нужно самому подняться до уровня, который рождает в тебе это чувство, и тогда вместо зависти придет радость. И за соседа, и за себя. А есть другой путь, который, кстати, не требует особых усилий, – опустить всех до своего уровня, и тогда зависть сплетается со злорадством. Страшная смесь! Кстати, помощь наших ктиторов тоже вызывала криво-толчки.

– Сейчас она уменьшилась?

– Да, ситуация совсем не такая, как прежде. Постоянной поддержки, на которую можно рассчитывать, строить планы, теперь нет. А чтобы просто жить, платить за свет, прокормить 80 сестер и еще 30 приютских девочек, да еще паломников, – все это требует не-

малых затрат. У нас огромная территория, которая нуждается в постоянном уходе, огород...

– У вас работают в основном насельницы?

– В основном – да. Паломники не много помогают летом. Но рассчитываем, прежде всего, на себя. Привлекать-то, собственно говоря, некого.

– А вездесущие таджики?

– Нет. Этот интернационал не для нашего случая.

– Кто-нибудь из первопроходцев остался?

– Да.

– А бывало, когда насельницы сами возвращались в мир?

– Девочки, которых в 12, 15 лет мамы, можно сказать, сдали в монастырь. Достигнув совершеннолетия, они уходили. Монастырь был не призванием их, но всего лишь местом временного, и безопасного, пребывания. Им захотелось и учиться в светской школе, и жизнь мирскую познать... Не вижу в этом ничего предосудительного, и мы никогда таких насельниц не удерживали. Лет пять назад три-четыре сестры ушли – и всё. Другое дело, позднее было несколько сестер, которых я сама попросила уйти.

– Были для этого веские причины?

– Они не стали соответствовать нормам устава монастыря. Но зато за последнее время пришли человек десять – умные, образованные и, что самое ценное, очень твердые в своем выборе. Словно влилась свежая струя.

С ними очень легко работать, они послушны, мало того, они все с хорошим образованием, то есть у каждой есть фундаментальные знания в какой-то определенной области, они приносят ощутимую пользу монастырю, некоторые даже по специальности. Это уже поколение не 90-х годов, а совершенно новые, более чистые люди. Ведь тогда шли в монастырь все, кому не лень. Сейчас люди все же более осознанно приходят в Церковь.

– А для монастырской жизни такой подход, наверное, особенно важен.

– Я бы сказала: необходим. Вы не представляете, как приятно беседовать с ними. Они всё понимают и сразу вли-

Праздник Преображения Господня. Служат отец Георгий (в центре), отец Сергей (справа) и диакон отец Андрей

ваются в коллектив сестер, как будто были в нем всегда.

– То есть это не те, кто приходил к иночеству, скажем, от несчастно сложившейся судьбы или еще по какой-то другой драматической причине, или в поиске безмятежной старости?

– Нет, нет! Совсем другие люди. Они даже внешне иные – красивые, ухоженные. И, как правило, вполне благополучные, с устроенной мирской судьбой. Из хороших семей, с высшим образованием, у кого юридическое, у кого музыкальное... У них совершенно иное, выражаясь современным языком, целеполагание.

– Можно сказать, что у них нет иной цели, кроме как служить Господу нашему Иисусу Христу?

– И это будет совершеннейшая правда.

– А как вы пришли в монастырь?

– Ой... Дайте сосчитать, сколько лет назад это было... Тридцать лет!.. Я в двадцать два года пришла.

– «Пришла» – наверное, не очень подходящее для тех времен слово.

– Препятствий было!..

– Со стороны родителей?

– И с их стороны тоже. Мы помним, в каком состоянии была тогда Церковь. Унижена. Гонима... В сознании советского человека не укладывалось: как это можно вдруг поверить в Бога, а тем более – уйти в монастырь?! Казалось дикостью: группа молодых людей собирается вокруг священника и что они там находят?

– С вами было именно так?

– Именно так. О Церкви, о Боге не имела вообще никакого представления. Не знала даже, что существуют монастыри. Их в то время было очень мало, и о них практически ничего не писали. А в той, с позволения сказать, «литературе», которая была доступна, о монашестве рассказывалось только одним цветом – черным. Мое воцерковление было связано с определенным, присутствующим тому времени риском. Приходилось все время быть в боевой готовности. Внутреннее напряжение ощущалось постоянно. Это отнимало силы, отражалось на душевном состоянии... Честно говоря, трудно все время занимать круговую оборону. К тому же мы еще совсем не были укреплены в вере.

– **О вас лично можно сказать: в вашей жизни были две дороги – к храму и в монастырь. И одна плавно перешла в другую.**

– Да. Когда я впервые попала в монастырь...

– **Это были Пюхтицы?**

– Да. А попала потому, что считалось, что каждый православный человек непременно хоть раз должен побывать в монастыре. Мне этого «раза» и хватило. Приехала и почувствовала: здесь – мое. Я не понимала, что уж так легло на сердце, ведь я еще не могла по-настоящему оценить красоту службы, не вникла в уклад монастырской жизни. С пением, правда, было проще – я была подготовлена к его восприятию всей своей предыдущей жизнью...

– **А пюхтицкое пение – особое. Там до сих пор этот дух, свой, ни на что не похожий. Он, между прочим, ощущается и здесь.**

– Считают, что похоже. Я, по правде говоря, отношу это больше к комплименту.

– **Не скажите. Та же культура пения, те же распевы...**

– Возможно, возможно... Церковное искусство – это ведь не просто искусство. Это богодухновенное искусство. В службе должна быть полнота, красота. Я очень люблю и чту церковный устав и стараюсь привить это чувство сестрам. Большое внимание обращаем именно на красоту богослужения.

– **Это как раз и чувствуется.**

– Слава Богу, петь есть кому. У нас и репертуар богатый. Я сама всегда пою на клиросе.

– **Можно сказать о вас так: игумения, которая поет.**

– Спасибо за комплимент. Я раньше еще и читала. А петь я всегда любила и до сих пор люблю, и в моей жизни пение занимает очень важное место. В монастыре самое главное – это богослужение, молитва. Если этого не будет, то и ничего не будет. Все вокруг этого строится. Когда я приехала в Пюхтицы, там еще очень сильно чувствовался дух традиций, поскольку там еще оставалось много монахинь, которые были чадами валаамских и псково-печерских старцев. Атмосфера там была совершенно необыкновенная! Я еще не знала, но уже почувствовала: вот она, какая-то другая жизнь, какой-то другой

мир. И он оказался очень близок мне и очень дорог. И я там осталась.

– **То есть вы оттуда уже не вернулись.**

– Нет, я вернулась, но только для того, чтобы выполнить формальности, связанные с переездом.

– **И что же – так все и вышло? Ладно и складно?**

– Далеко не ладно и не складно. Это сейчас, с высоты лет, тогдашние горки кажутся пологими. Было всякое – и конфликт с родителями, и давление со стороны.

– **Я как раз о родителях. Они не церковные люди?**

– Совсем не церковные. Советские пролетарии чистой воды. А тут вдруг дочь – в монастырь!

– **Это в каком городе было?**

– В Дмитрове, под Москвой. У мамы был нервный стресс. Пытались подействовать на меня даже через местное КГБ.

– **Даже?!**

– Представьте. Там, правда, со мной обошлись очень вежливо, предупредительно, старались внушить, от какого счастья я отказываюсь. Как хорошо быть в миру – петь, гулять, плясать, и как плохо закрыть себя в Церкви. Вроде бы и не угрожали открыто, но эта мягкость... как улыбка волка – клыки все равно видны. Но я уже все решила бесповоротно. Даже выписалась...

– **Насколько я знаю, вы собирались посвятить себя искусству.**

– Собиралась, но именно через искусство я пришла к Богу, то есть оно послужило мне как бы мостом.

– **Как это случилось?**

– Это не случается. Это происходит.

– **Как это произошло? Вы же к театру готовились.**

– Вообще-то, да. Меня не оставляло ощущение, что чего-то в жизни все время не хватает. Меня все время куда-то тянуло. Думала, что искусство ответит на мои запросы. Танцевальный кружок, народный театр – через все это я прошла, но... Я тогда была совершенно неверующей, просто даже не задумывалась о Боге – есть Он или нет. Мир искусства меня очень увлекал, там люди жили иной жизнью, чем все остальные, так, во всяком случае, мне казалось, и я тянулась на этот огонек.

Переехала в Москву, стала работать. И – театры, особенно Таганка, музеи, Третьяковка... Я старалась все ухватить, всюду успеть, ничего не пропустить. Хотелось все знать. Готовилась в театральный, но не случилось. Думала в университет, на исторический. Происходило странное. Чем больше я приобщалась к миру искусства, чем больше узнавала о нем, тем настойчивей давало знать о себе чувство неудовлетворенности. Казалось бы, должно быть наоборот: пьешь – и утоляешь жажду. А здесь – нет. Позже, уже став верующим человеком, я поняла: это было неосознанное стремление обрести Бога, но разве что-то или кто-то может заменить Его?

– **Разумеется, нет. Но ведь так можно искать всю жизнь.**

– И не найти. Сколько мы знаем таких примеров... Ко мне Господь был милостив. Мне встретились люди, как потом оказалось, из окружения отца Димитрия Дудко, я тогда о нем ничего не знала, но там оказался человек, который просто сказал: есть Бог. Я сразу поверила его словам, и сразу все стало ясно и понятно: что к чему и почему. Потом пошли книжки, встречи, беседы...

– **Путь довольно знакомый. Для меня, в частности.**

– Думаю, многие прошли именно им. И, знаете, сразу изменилось отношение к той жажде, которой я жила многие годы. Теперь прежние увлечения казались пустой тратой времени, и я отказалась от них не только без сожаления, но с радостью. Всего только встреча с Николаем Евграфовичем Пестовым стоила не одной театральной премьеры! А знакомство с людьми, которые лично знали оптинских старцев, Патриарха Тихона, то есть почти личное прикосновение к духовной истории страны! Я столько всего услышала, столько всего узнала!.. Мы ходили к Пестову, он давал нам книги, а библиотека у него была удивительная... Все произошло очень быстро, всего за каких-то три года я стала другим человеком. Я окунулась в другой мир, соединилась с другими людьми, меня стали посещать другие мысли и желания.

– **Не было, чтобы вы пожалели о том, что ушли в монастырь?**

– Нет. Никогда. В Пюхтицах было очень много тяжелой, мужской работы. Все делали своими руками – и сенокосы, и обработка земли, я на скотном дворе была много лет, и на кухне послушание несла... Но как ни уставала, всегда стремилась в храм, очень любила молиться. Такое было горение, что рвалась туда, где можно полностью отдать себя молитве. Хоть на Кавказ убежать, в горы. Поначалу я никуда из монастыря не выезжала. Даже когда давали отпуск на недельку, стремилась в какое-нибудь святое место, чтобы только молиться, молиться. Первые десять лет соприкосновение с миром воспринималось как что-то страшное, было очень тяжело. Потом стало как-то проще. Видимо, нужно было внутренне укрепиться. Я прервала все свои светские знакомства...

– А новые отношения установились легко?

– Сразу! Когда я пришла в монастырь, то сразу поняла, что все это мое и ничего другого мне не нужно. И с таким пониманием я жила много лет. Позднее, когда прежние мои знакомые приезжали, мне с ними было уже не тяжело. Когда читаешь устав монастыря, читаешь святых отцов, то видишь: то, что происходило в моей жизни, – нормально, так и положено.

– Но так, верно, не у всех? Я имею в виду вхождение в монастырскую жизнь.

– Не у всех. Просто в этом нет никакой моей заслуги. Я вижу, как порой бывает трудно молодым сестрам. И депрессии, и слезы, и вообще чего только не бывает. Особенно трудно приходится новоначальным, когда навещает мама или кто-то из подруг.

– Что самое трудное в игуменском служении?

– Для меня... это сознание, что ты не соответствуешь тому идеалу, которым должна бы быть. Читаешь Арсению, Паисия, других подвижников прошлого века, вспоминаешь игуменню Варвару из Пюхтиц... И особенно ощущаешь свою немощь. Общеизвестно: работа с людьми тоже вещь непростая, но там ты взаимодействуешь, там есть партнер. А работать с самим собой – это совсем иное... Осознание своего недостойнства... с ним суще-

ствовать неудобно. Беседуешь с сестрами – а перед глазами образы, на которые так хочется походить. И потому я настоятельно рекомендую: читайте святых отцов. Я все равно не смогу ответить на все ваши вопросы. Внешние проблемы я смогу разрешить, а внутренние – не всегда.

– Но у вас уже такой опыт!

– Представьте, мне кажется, что раньше я была духовней, собранней, серьезней, чем сейчас. Это была даже какая-то подвижническая жизнь. Сейчас многое изменилось, больше суеты, расслабленность какая-то появилась. Положение дает возможности в чем-то не ограничивать себя. А это уже соблазн, искушение. И с этим нужно бороться. Нужно себя все время держать в поле собственного внимания.

– У вас, насколько я вижу и понимаю, масса забот мирского толка – связанных с содержанием монастыря. Но несмотря на их обилие, они все-таки не самое главное. Так?

– Это тяжело, спора нет. Но разве сравнить с прежними трудностями...

– Я хорошо помню, как это было.

– Сейчас мы вроде не живем в таком страшном напряжении, как раньше. Самое главное – сформировалось сестричество в полном смысле этого слова. Многие живут уже давно, сумели на себя взять заботы по хозяйству. Та же мать Анна здесь с первого дня, вы знаете ее, наверное

– Конечно. Очень хорошо знаю.

– Наш эконо́м. А поначалу выглядела просто как божий одуванчик, такая вся неземная, но жизнь закалила, научила. Надо было выживать, и мы взяли со смелостью, которая обычно сопутствует незнанию. Сейчас церковная часть вся на мне, а мать Анна – моя основная опора во всех земных делах. Без нее было бы сейчас очень сложно. Как-никак восемьдесят человек, хозяйство большое. Теперь каждая сестра, без преувеличения, стала профессионалом в своем послушании. И уже, можно сказать, не так тяжело.

– Тяжесть стала привычной. Ведь именно тогда многое удается, и выносливость появляется, и желание.

– Пожалуй, да. Именно привычной, и я бы еще добавила: разумно осознанной, а это очень важно, чтобы ощущать себя свободными. Сейчас мы строим

новый коровник, курятник. Так мать Анна прямо вся там, настолько глубоко вникла в проблему, что может сойти за специалиста. Мы собираемся печь монастырский хлеб на продажу – она и тут со своими идеями, а за ней тянутся другие. В целом таких опор не много, но они абсолютно надежны.

– Их можно назвать ветеранами?

– Только не по возрасту. Пришла такая замечательная молодежь! Любопытно вот что. У каждой сестры есть несколько этапов вхождения в жизнь монастыря. Первый у всех – наиболее трудный. А из этих отдельных жизней складывается жизнь монастыря в целом, у которой тоже есть разные этапы, и первый из них тоже наиболее трудный. Но проходит время, и жизнь обители, устоявшись, словно бы выглаживает трудности отдельных жизней, и они, словно ручейки, сливаются в спокойное, устойчивое русло реки монастырской жизни.

– Но женский монастырь, каким бы он ни был сложившимся, – это все-таки женский коллектив.

– Конечно. Все, казалось бы, хорошо, гладко, складно. А потому вдруг, откуда ни возьмись, как накатит... то с одной, то с другой... особенно Великим постом... кто рыдает, кто хочет убежать... кому плохо... Когда я шла в монастырь, мой батюшка, духовник, говорил мне: все равно, в какой монастырь ты идешь. Любой монастырь, какие бы там ни были сестры, это все равно общество верующих людей. В семье же мы терпим характеры друг друга, а здесь вообще духовная семья. Это такое счастье жить среди верующих людей! Мы просто к этому уже привыкли и поэтому не замечаем и мало ценим. Но женский коллектив – это, как вы говорите, все-таки женский коллектив.

– И каково вам в таких ситуациях?

– Приходится сразу быть мужественной. Обычно я всегда стараюсь держать себя в руках и, можно сказать, постоянно нахожусь в напряжении. Мне расслабляться никак нельзя. А бывают и болезни, и все... но это очень полезно, потому что закаляет. Мне нельзя ни стонать, ни ныть. Допустим, болит голова, болят колени, но я должна всегда...

– **Держать спину.**

– Если хотите, да. И чтобы никакого недовольства на лице! Объективно это нелегко.

– **С Божией помощью, управляйтесь.**

– А как же без Божией помощи?! И преподобный Стефан, и Великая княгиня Елисавета нам помогают. Иначе не справиться. Причастие. Исповедь... Нам замечательного духовника Господь послал. Архимандрит Мефодий из Троице-Сергиевой лавры, он у нас уже пять или шесть лет, и это для нас большая помощь и большое облегчение. Это высокодуховный, интеллигентный человек. И образованный, и опытный. Как монах он подвижнического уровня, просто идеальный какой-то. У нас с ним замечательный контакт, и сестры тоже очень его любят.

– **А батюшки, которые служат у вас в обители?**

– Протоиерей Георгий Запольнов служит в обители уже более десяти лет. Батюшка – священник семейный, но в своем служении несет дух священства Троице-Сергиевой лавры. Службы его проходят на одном дыхании: не затянуты и не торопливы. Он очень внимателен к уставу. Когда он в алтаре, за богослужение можно не волноваться.

– **А отец Сергей? Он у вас относительно недавно. Он не монах?**

– Нет, он не монах и появился действительно не так давно.

– **Очень он лег мне на душу. Я у него исповедовался и почувствовал, как глубоко он подходит к человеку.**

– Он, кстати, тоже был прежде связан с искусством. Окончил театральный институт. Потом служил в армии. И вот повезло нам тоже с ним. Мы его в штат берем, сейчас уже оформляем.

– **Он – человек монашеского склада.**

– А так оно и есть. Он собирается принимать монашество. Как только мы его оформим, так будет решаться вопрос и дальше. Он очень искренний, сердечный, и эти качества компенсируют пока, быть может, еще недостаточный опыт. Очень радостно за мирян, которые приходят в храм и получают с помощью отца Сергия благодать. Отца Александра у нас сейчас рукоположили. Также очень серьезный, глубокий священник. Он,

15 августа 2010 года. Предстоятель нашей Церкви Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения нового храма – во имя Живоначальной Троицы

хотя и не монах, но в нем тоже, можно сказать, монашеский стержень – строгий, целомудренный.

– **А отец Порфирий?**

– Ну, отец Порфирий – это вообще исконно наш батюшка.

– **Говоря по-современному, это ваш бренд. Он ведь с первого дня здесь?**

– С некоторыми перерывами, но с самого первого. У нас просто замечательные священники, и, конечно, говорят, что у нас по-особому хорошо еще и по этой причине. В женских монастырях довольно тяжело устанавливается контакт игумении со священником, часто бывают конфликты, непонимание. Владыка Феогност, наместник Троице-Сергиевой лавры, он сейчас председатель синодальной комиссии по монастырям, сказал: «У вас вообще нет никаких внутренних проблем, все решается спокойно, к обоюдному согласию».

– **Ваш монастырь считается крупным?**

– Думаю, что да. Таких обителей мало. В основном, 20-30 насельниц. Но все равно нам сестер не хватает. Не хватает молодых, здоровых, сильных. А какие должны идти в мона-

стырь? Именно здоровые и молодые, образованные и трудолюбивые. Это и по уставу положено. Я тоже молодой пошла в монастырь, не жалела себя, трудилась, работала. И Господь всегда воздаст сторицею. Я сестрам говорю, что саможаление это самое страшное. Естественно, что бывают болезни, недомогания, мы на это обращаем внимание, у нас есть и врачи, и медсестры, но когда некоторые начинают воспринимать свою болезнь центром вселенной и себя в центре этого центра, хорошего не жди.

– **Какой у вас средний возраст?**

– Лет 25-30.

– **Но формальных ограничений по возрасту нет?**

– Как вам сказать... Впрямую в уставе об этом не говорится. Но если посмотреть у святителя Филарета или в уставе Великой княгини Елисаветы Феодоровны, там вы найдете возрастную ценз – до 45 лет. И чтобы человек был трудоспособен.

– **То есть монастырь – это не богадельня.**

– Богадельня – это когда состарившиеся сестры спокойно доживают свой век. Естественно, мы за ними ухаживаем. Игуменья Никона в Шамор-

дино берет к себе стареньких сестер, и это ее направление. Это подвиг немалый. Если человек придет с улицы, несчастный, бездомный, некуда ему деваться, конечно, мы ему поможем. Но богадельню в подлинном значении этого слова нам не понести. Поскольку наш монастырь постоянно в стадии становления, а мы к тому же сельский монастырь, значит, мы должны сами обеспечивать себя всем. А деньги на всякие нужды – просить. Свет, газ... каждый год это такие страшные суммы... Нам приходится платить за свет и газ 200 тысяч рублей в месяц. Раньше концерн Росатом полностью обеспечивал нас топливом. Сейчас они, правда, тоже помогают, но размер помощи уже не тот. Все как-то сжимается, словно шагреновая кожа.

– **Когда во главе концерна стоял Поздышев...**

– При Эрасте Николаевиче все было другое! Мы жили под покровом. А сейчас там все время реорганизации, все меняются... Тяжеловато. Но они все равно нам помогают. А ведь у нас есть еще и приют.

– **Приют – это у вас отдельная песня. Как вообще возникла эта идея?**

– Она никак не возникла. Мы даже ни о чем подобном не думали. Как бы нам самим выжить – вопрос стоял так. Эраст Николаевич сказал: «Открывайте приют, и Господь вас не оставит, прокормит». Я, честно говоря, поначалу очень противилась. Мы сами еще едва стояли на ногах. Поздышев пообещал восстановить нам здание для приюта. Я подумала: здание – это во всех случаях хорошо, а будет там приют или нет – время покажет.

– **И время показало...**

– А показало оно вот что. В это же время в нашем селе, в Махре, организуется какой-то детский дом семейного типа. И что-то в нем все время не ладится. Нет никакого «семейного типа», все время ссоры, разборки... Детишки, по сути дела, там были предоставлены сами себе, потому что их так называемая мама большую часть времени отсутствовала, объясняя это тем, что ей нужно зарабатывать деньги. Детишки в итоге прилепились к нам. Просто приходили, проводили с нами много времени. Их там вроде и содержали нормально, но они никому

не были нужны. И вот однажды приходят к нам девочек шесть и говорят, что если мы не возьмем их сейчас в монастырь, они разойдутся кто куда. Что нам оставалось делать? Мы поняли, что такова воля Божия. Дома еще не было, мы поселили их в огромную келию, мать Амвросия сразу стала с ними заниматься, она педагог по образованию, и вот с этого начался приют. Потом начали строить дом, потом дети переселились туда, потом дети стали прибавляться... трудности были, естественно, с оформлением, с лицензиями. Власти, надо сказать, шли нам навстречу.

– **Еще бы!**

– Не скажите. Сколько случаев, когда начальство на местах всячески сопротивляется. То нельзя, другое не положено...

– **У нас вообще много странного.**

– Что поделат... Наверное, все дается нам для вразумления... И для смирения. Сейчас эти девушки уже получают высшее образование, им уже по двадцать с чем-то лет. Многие уже живут самостоятельно, получили квартиры. Все с помощью той же материи Амвросии, которая ходила по инстанциям, добивалась и доказывала. Что скрывать, детям стараются дать самое никудышное жилье, и тут мать Амвросия была для них незаменимым адвокатом и ходатаем. Четырем девочкам дали в Подмоскovie однокомнатные квартиры. Представляете, чего это стоило?

– **Нет, не представляю. В наших условиях добиться такого... Здесь мало одной любви к детям. Нужно что-то еще.**

– А я думаю, что как раз любви достаточно. Если есть любовь, можно свернуть горы. Как сказал апостол? Если любви не имею, то я – ничто. Мне кажется, они как раз получили здесь главное – любовь. Мы для них все равно родной дом. Ведь их никто не заставляет постоянно приезжать к нам. А сейчас уже новое поколение растет...

– **Я их видел на службе. Крохотные такие, как опята, один к одному. Очень трогательно. Мне приходилось слышать от некоторых православных: не дело женскому монастырю заниматься окормлением детей.**

Сестры, мол, невесты Христовы, а тут они вроде бы в роли нерожавших матерей.

– До меня тоже доходили такие пересуды. Что на это можно ответить? Так говорить, наверное, могут люди, которые слишком узко понимают, что такое любовь. Современная жизнь поставила знак равенства между любовью и ее плотским проявлением. А ведь второе это лишь часть, и не самая значительная часть первого. Всего лишь одна из составляющих. Вспомним гимн любви из Первого Послания апостола Павла Коринфянам. «Любовь долготерпит, милосердствует, не превозносится, не завидует...

– **... не ищет своего, не раздражается, не гордится, не бесчинствует, не мыслит зла, не радуется неправде...**

– ...а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает». Ну, разве такое необъятное душевное богатство возможно заменить каким-то одним, пусть и прекрасным, чувством?

– **Если не ошибаюсь, фильм о вашем монастыре называется «Дорогой любви».**

– Для нас это не просто название. Это суть, смысл и назначение нашей жизни. Это, если хотите, та свобода, которой изначально наделил человека Господь.

*С игуменьей Елисаветой
беседовал Павел Демидов
Фотографии В. Монастырева
и пресс-службы обители*

СКРЕПЫ

*Мудрости надо учиться
долгим опытом. Дается
она от Бога за послушание.*

*Преподобный
Силуан Афонский*

*Такая осень на дворе,
Такая осень!..
И просинь неба в октябре.
Как на подносе...*

*А листопад, а листопад –
Благословенье...
И вдруг захочется назад
Вернуть мгновенье.*

*И в этот миг не будет слов,
Но будут звуки:
Небесный звон колоколов
По всей округе.*

*И полной грудью, глядя вдаль,
Вдохнёшь глубоко,
И сердцем, утолив печаль,
Услышишь Бога.*

*Геннадий Карпунин
г. Щербинка
Московской области*

О свободе человека

По мнению громадного большинства современных людей, способ стать свободным, чрезвычайно прост: *надо делать то, что хочется*.

Вот и свобода!..

Так живут почти все. Одни тайно, другие явно. Одни гордо поднимают голову, другие трусливо прячут хвост. Одни говорят: так должно, другие – так приятно.

Казалось бы, какое громадное количество свободных людей должно было бы быть на свете!

А на самом деле, как раз наоборот. Никаких «свободных людей» у нас нет. И что ни час, то их меньше. Люди превращаются в жалких рабов. Тем более жалких, что они даже потеряли способность чувствовать свое рабство.

Сами заковали себя в уродливые, чудовищные цепи и, задыхаясь в них, кричат, как иступленные:

– Смотрите, мы, наконец, свободны!..

Раб не только тот, кто закован в цепи железные, есть цепи гораздо более крепкие и еще более рабские.

И алкоголик, отравляющий себя водкой, пьет потому, что ему «хочется», – но неужели можно назвать его свободным? И человек, погибающий в разврате, считает себя свободным, но сколько бы он ни говорил, что он развратничает потому, что «так хочет», – мы ему не поверим.

Он раб своей похоти, пресмыкающийся, отравленный, бессильный раб.

Человек, делающий все напоказ, из самолюбия, из тщеславия, из желания быть «признанным», – раб.

Наслаждающийся чувством власти – раб.

Боящийся смерти – раб.

И много, много видов рабства – всех не перечтешь.

Пусть цепи скованы из вожделения, гордости, трусости, себялюбия, пусть

они – невидимые цепи, все же они сковывают человека по рукам и по ногам и делают рабом.

И как бы человеку ни казалось, что он делает все «по своему желанию», – если бы у него открылись духовные очи, он с ужасом увидел бы, что к нему со всех сторон присосались отвратительные чудовища и он рабски повинуется им.

Но было бы страшной ошибкой думать, что *освободить человека* может исполнение заповедей. Опять-таки нет. Можно исполнить все заповеди – и остаться рабом.

Христианские заповеди взяты целиком из Ветхого Завета, кроме того, они есть почти во всех восточных вероисповеданиях. И не в том заключалось Голгофское дело Христово на земле, что Он повторил не раз сказанное раньше. Христос пришел дать людям новую жизнь, а вовсе не для того, чтобы повторить старые правила нравственности.

Христианство не есть религия заповедей – это религия окончательного перерождения. Христос даровал людям свободу потому, что принес им благую весть о том, что человек – сын Божий. Стать свободным – это и значит стать сыном Божиим.

Вопросы «можно ли красть, прелюбодействовать, убивать, лгать?» теряют всякий смысл.

Надо думать не об этом. Эти вопросы решаются сами и по-своему, коль скоро

Сергей Чертков

К 130-летию со дня рождения и 80-й годовщине кончины

Богослов, публицист, прозаик и драматург Валентин Павлович Свенцицкий родился в Казани 30 ноября 1881 г. Еще в гимназии стал духовным чадом прп. Анатолия (Потапова). Оптинский старец утвердил ищущую душу на спасительном пути ко Христу, и для юноши с несомненностью определилось, что в христианстве заключена полнота истины, выяснились задача и смысл существования.

В 1903 г. Валентин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, а в феврале 1905 г. создал первую в России христианскую политическую организацию, дабы содействовать освобождению Церкви от поработавшей опеки светской власти, созыву Поместного Собора и установлению справедливых социально-экономических отношений.

Уже тогда Свенцицкий выступил как оригинальный и глубокий мыслитель, всесторонне исследуя должное отношение личности к Богу и миру. Индивидуализму

Ф. Ницше противопоставил христианский персонализм – религию свободного человека. Обосновал допустимость насилия для ограничения злой воли и растлевающей человечество похоти. Исторический процесс толковал как мучительное разделение добра и зла, а во всем космосе видел становящуюся Церковь.

Даже его идейные противники признавали – это «яркий представитель того религиозного движения», которое «ищет обновления душ человеческих путем христианства... церковным, царственным, средним путем» (В.В. Розанов); «верующий во Христа искренно и пламенно... За словами его так и чудится строгий коричневый лик со сжатыми бровями» (З.Н. Гиппиус).

В 1907 г. были изданы его крупные художественные произведения. Боговдохновенная фантазия «Второе распятие Христа» (своеобразное развитие поэмы «Великий инквизитор» и предтеча-антипод романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») обличала светскую и церковную власть в забвении евангельских

заповедей, обнажая причины близящейся гибели Российской империи. Продолжающий линию духовного реализма роман-исповедь «Антихрист (Записки странного человека)» с шокирующей откровенностью рассказывал о проникновении в человека инородного существа – *чужого*, изнутри пожирающего жертву.

В 1910-х гг. Свенцицкий проявил себя как драматург, его пьесы шли в столичных театрах. А сам автор странствовал по России, опубликовал около 500 статей и путевых очерков; в 1914 г. посетил кавказских монахов-отшельников и описал их жизнь в книге «Граждане неба». С 1916 г. вел обширную переписку с читателями, стараясь собрать единомышленников в общую семью («свободный приход»), спаянную единством духовной жизни.

В сентябре 1917 г. Свенцицкий был рукоположен во иерея и пополнил ряды военного духовенства, а с 1918 г. стал проповедником в Добровольческой армии. Участвовал в подготовке и деятельности Юго-Восточного Русского Церковного

будет решено главное. Задача человека – сознать себя сыном Божиим. И, сознав себя таким, стремиться стать сыном Божиим, то есть вполне и до конца раскрыть свою личность.

Людям слишком долго твердили, что они совсем еще малые дети, что они Бога недостойные рабы, что они грешники, слабые, немощные, что они должны всю тяжесть свою взваливать на Христовы плечи, – так долго твердили обо всем этом, что слова «вы взрослые, вы сыны Божии» звучат почти кощунством.

А между тем, не Бог ли сказал человечеству, устами лучших своих людей, что в каждом должны быть те же чувства, что и во Христе Иисусе!

Признание себя не чем-то, «зависимым», «маленьким», – а сыном Божиим, сразу выдвигает человеческую личность на то высокое, центральное место, которое она должна занять по праву своего божественного достоинства.

Теперь уже важным является не умение быть послушным и «нравственным». Теперь этого мало. Надо стать богочеловеком. До сих пор люди определяли свою жизнь извне, давали себе тесный, маленький круг для выражения своей личности.

Теперь же, сознав себя сынами Божьими, – они должны поставить себе задачей полное выражение божественного начала, заключенного в каждом человеке. Это дает беспредельный простор духовной жизни человека, ибо содержание Божества безгранично и содержание чело-

веческой личности так же безгранично.

Выражение этого божественного содержания условимся называть: *творческим раскрытием человеческой личности*.

Итак, свободный человек не есть ветхозаветный, подзаконный человек, подпирющий себя со всех сторон палками «в виде всевозможных заповедей». Но это не есть и разнузданный современный человек, который отрицает заповеди, чтобы дать простор своим желаньям, и который, сбросив рабские цепи заповедей, надевает на себя еще более рабские узы своих страстей.

Свободный человек – это «свыше родившийся», это новое существо, прикоснувшееся к источнику воды живой, познавшее себя *богочеловеком*. Для свободного человека Бог не есть *Бог морали*, Бог заповедей, Бог внешних правил – это есть *Бог бытия*, Бог жизни. Свободный человек порывает навсегда с ветхозаветным подзаконием; ставит перед собой совсем другие духовные задачи, устремляется совсем к иному. Силы его уходят не на то, чтобы, оставаясь рабом, не нарушать тех или иных запретов своего Господина-Бога. А на то, чтобы вместить в себя *полноту бытия*, полноту жизни, и тогда все в его жизни станет иным: ибо «дух дышит, где хочет». И словами апостола может тогда сказать свободный человек: «Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною». «Все позволительно», и чтобы при этом человек не порабошался, – может быть, только если человек

родится свыше. Только тогда дела его не будут делами смерти, а делами Божьими, достойными богочеловека. Как Господь сотворил мир, так и человек – сын Божий – будет творить жизнь вокруг себя, жизнь прекрасную, как мир Божий, новую, достойную божественного призвания человека.

К такой свободе надо стремиться. Но достигнуть ее нельзя *одному*, ибо человек, живя своей отдельной жизнью, в то же время является частью *великого целого*. И не может человек стать *вполне* свободным, *вполне* сыном Божиим, пока земля «лежит во зле», в «страдании», в смерти. Для того чтобы освободиться вполне, надо освободить мир от греха и смерти. Надо искупить его. Путь к этому окончательному искуплению – Голгофский путь земли. Искупление, освобождение вполне свершится только тогда, когда благу весть услышит не только человек, – *когда услышит ее вся тварь, которая «мучается до срока»*. Сознавшие себя сынами Божьими достигают наибольшей свободы, которая доступна при *теперешнем* состоянии мира. Это есть агнцы, которые очищают жизнь и двигают *весь мир* к свободе Христовой, к богосыновству.

Но таких агнцев еще много, очень много должно быть принесено в жертву, прежде чем распятый на кресте мир, предчувствуя близость воскресения, произнесет: *свершилось!*

1912 год

Собора. В печати и с амвона призывал обезумевший народ к покаянию за богоотступничество (поклонение мамоне) и борьбе с бесовской силой большевизма.

Осенью 1920 г. отец Валентин перебрался в Москву и проповедовал в храмах, в т. ч. за службами, совершенными патриархом Тихоном. Летом 1922 г. был арестован за обличение обновленцев-живоцерковников и выслан в Таджикистан, где, на основе святоотеческого и собственного опыта, составил практическое руководство по постижению молитвы Иисусовой – «Тайное поучение». В 1926 г. был назначен настоятелем храма свт. Николая Чудотворца на Ильинке. С возросшей и окрепшей общиной постоянно вел беседы о монастыре в миру (основной идее своего служения), под которым понимал духовную преграду внешним соблазнам жизни и борьбу с внутренними страстями. В мае 1928 г. был снова арестован и сослан в Тракт-Ужет (ныне Красноярский кр.). В написанном там итоговом труде «Диалоги» обобщил идеи, озарением возникшие в юности, и дал цельное изложение христианского мировоззрения.

Отец Валентин скончался в ссылке 20 октября 1931 г. после долгих страданий от абсцесса печени. Перед смертью, не изменив мнения о «компромиссах, граничащих с преступлением», покаялся в том, что не признавал митр. Сергия (Страгородского) законным первым епископом, и получил прощение. 9 ноября на отпевании в Москве при огромном стечении народа тело было обнаружено нетленным.

Увы, имя великого христианского проповедника XX в. отсутствует в современной публицистике и учебных курсах по философии, нравственному богословию, истории литературы – фактически оно вычеркнуто из истории русской мысли... Это обусловлено тем, что его позиция «Вся жизнь должна сосредоточиться вокруг храма, а несовместимое с ним отпасть вовсе» для гуманистов неприемлема, а ультраправославных пугает проповедь свободы и нелицеприятная критика искажений церковного устройства. Остается верен и поставленный А.С. Пушкиным диагноз: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Истинный масштаб Свенцицкого как мыслителя и писателя станет очевиден

после полноценного знакомства с его трудами. Они необходимы для совести людской, поскольку правдиво показывают нашу внутреннюю жизнь и точно именуют сущности духовного мира, помогая верно в нем ориентироваться.

ЧТО ЧИТАТЬ У О. ВАЛЕНТИНА

Монастырь в миру. Проповеди и поучения. М.: Артос-Медиа, 2008.

Собрание сочинений. Т. 1. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917); Т. 2. Письма ко всем: обращения к народу 1905–1908 / Сост., послесл., коммент. С.В. Черткова. М.: Дарь, 2008–2011.

Граждане неба. Мое путешествие к пустынным Кавказским гор. СПб.: Сатись, 2010.

Диалоги: Проповеди, статьи, письма / Сост., автор ст. С.В. Чертков. М.: ПСТГУ, 2010.

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Владимир Липовецкий, 34 года, преподаватель из Вологоды</i></p>	<p><i>Протоиерей Виктор Зимин, настоятель Покровской церкви г. Саранска</i></p>	<p><i>Ольга Савлова, 25 лет, директор Союза православной молодежи Мордовии</i></p>
<p>Полная свобода – это благо или вред? Обоснуйте свою точку зрения.</p>	<p>Полная свобода – это вред. Предоставить ребенку полную свободу, не научить его правильно ориентироваться в жизни – такое может привести даже к потере самой жизни.</p>	<p>Свобода есть во благо и во спасение.</p>	<p>Свобода ограничивается там, где начинается свобода другого человека, так как права одного человека ограничиваются при столкновении с правами другого.</p>
<p>Как вы понимаете свободу воли, дарованную человеку Господом?</p>	<p>Нам дана свобода воли, нам дана свобода от греха. Самое главное, что мы способны поступать так или иначе.</p>	<p>Свобода воли дана человеку, чтобы избирать жизнь.</p>	<p>Я думаю, как говорят святые отцы, это свобода от греха, свобода делать добро.</p>
<p>Согласны ли вы с тем, что Божественные установления (запреты) ущемляют волю человека?</p>	<p>Говорить о ценностях сложно, но я могу сказать, что дороже свободы у нас есть ценности свободы вероисповедания, свободы посещения православного храма.</p>	<p>Вера, надежда, любовь, желательно еще, чтобы софия была. Тогда человек может разумно воспользоваться теми дарами, которые дает ему Господь. Свобода – это бесспорный дар.</p>	<p>Не размышляла над этим.</p>
<p>Что вам нужно для того, чтобы почувствовать себя счастливым?</p>	<p>Я полностью не согласен, что Божественные установления (запреты) ущемляют волю человека, потому что Господь нам дает только то, что для нашего блага.</p>	<p>Нет, они создают ограду жизни. За Божественными заповедями находится то, что может угрожать жизни человеческой. Свобода нужна человеку, чтобы прожить свою жизнь.</p>	<p>Нет, не согласна. Божественные установления не ограничивают человека, а показывают истинный ориентир.</p>
<p>Свобода от греха или свобода для греха. К какому из этих двух понятий можно поставить синонимом слово рабство?</p>	<p>Больше рабства – это свобода для греха.</p>	<p>Грех ведет к смерти. Если считать, что человек, избирающий смерть, свободен, то это странно.</p>	<p>Свобода для греха – это рабство. Рабство греху. Так что ни о какой подлинной свободе в этом случае речи быть не может.</p>
<p>Что стало бы, если бы все люди сделались абсолютно свободны? Не к этому ли идет сегодня мир?</p>	<p>Формально мы и так свободны, но если бы все стали абсолютно свободны, то был бы попросту бардак.</p>	<p>Люди должны быть абсолютно свободными. Диалог может быть только между абсолютно свободными людьми. Если люди не общаются между собой, то и общества не существует.</p>	<p>Человек и так является свободным существом, единственное – принимает он это или нет, понимает ли правильно смысл этого слова.</p>

КАКАЯ СВОБОДА НУЖНА ЧЕЛОВЕКУ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Светлана Труфанова,</u> 24 года, вечный студент</p>	<p><u>Марина,</u> 39 лет, домохозяйка</p>	<p><u>Наталья Анохина,</u> 15 лет, школьница</p>	<p><u>Максим,</u> 30 лет, юрист</p>
			
<p>Все зависит от конкретно сформированной личности, насколько она морально и нравственно зрела. От этого и зависит: свобода для конкретного человека – благо или вред.</p>	<p>Я считаю, что свобода нужна человеку, то есть это благо. Но, конечно, посланные Богом обстоятельства, ее ограничивающие, тоже нужны.</p>	<p>Вред, потому что при полной свободе человек начинает грешить. Ведь человек понимает свободу так: делать все, что хочешь. А захотеть человек, в силу своей испорченности, может такого!..</p>	<p>Конечно же, вред, потому что свобода подразумевает свободу и для греха. То есть она позволяет делать все, что угодно, а это непозволительно для христианина.</p>
<p>Господь наделил каждого человека свободой воли. А как он ею воспользуется, зависит от его веры, от воспитания наконец.</p>	<p>Как сознательное ограничение себя в бесполезных вещах.</p>	<p>Я считаю, что свобода воли – это свобода мысли. Человек не всегда свободен, каких-то ограничений надо придерживаться.</p>	<p>Человек неправильно использовал дарованную ему свободу, поэтому пал. Волю, дарованную Господом, нужно использовать, чтобы вернуться туда, откуда он ушел, то есть для спасения.</p>
<p>Дороже свободы у меня ценности есть – это семья, дети, родители, друзья. Я готова ограничить свою свободу для блага других людей, дорогих мне, близких, родных.</p>	<p>Это любовь.</p>	<p>Это ценности, дарованные Богом, все, что Он для нас делает. Это, наверное, дороже свободы.</p>	<p>Свобода поступать правильно.</p>
<p>Мне кажется, что Божественных запретов не существует. Господь дает полную свободу человеку, и каждый волен совершать поступки, согласные его внутреннему миру.</p>	<p>Нет, не согласна. К тому же человек, обладающий свободой воли, может выбрать – соблюдать установления или «наступить на грабли» многого раз.</p>	<p>Наверное, нет. Потому что если их не соблюдать, то можно опуститься до такой степени, что будешь уже не свободным, будешь зависеть от каких-то плохих вещей.</p>	<p>Они не только не ущемляют, но способствуют правильному восприятию свободы, если говорить о ней в евангельском понимании. Свободу нужно использовать во спасение..</p>
<p>Тут тоже кому как, все зависит от внутреннего устройства человека.</p>	<p>Свобода для греха – это и есть рабство.</p>	<p>Рабство – это и есть свобода для греха.</p>	<p>Рабство – это свобода для греха. Только следуя заповедям Евангелия, можем от этого рабства уйти и в итоге спастись.</p>
<p>Нет, однозначно нет, скорее напротив, нас всячески пытаются ущемить в свободе. Нашу свободу постепенно уменьшают, и мы уже абсолютно не свободные люди.</p>	<p>Я не считаю, что мир идет к абсолютной свободе, потому что мы все очень зависимы, и это становится очевидным для сознательного человека.</p>	<p>Я считаю, что мир идет к этому. Например, подростки сейчас стали свободны, их ничего не держит, и это ведет к разрушению. Все творят, чего хотят, и начинается несоблюдение закона, хаос.</p>	<p>Да, к этому сегодня идет мир. Если бы все люди сделались абсолютно свободными, на земле правил бы абсолютный грех, то есть конец времен и приход антихриста.</p>

Фильма об Оптиной пустыни, объявленного в телепрограмме, я ждал с особым интересом. И не только потому, что автором был мой давний товарищ и коллега. Эдуард Сагалаев, во всяком случае в то время, когда мы с ним общались, был далек от религии (как, впрочем, и я). Талантливый журналист, сделавший успешную карьеру еще на советском телевидении, отмеченный наградами, вплоть до Государственной премии СССР, руководитель одного из телевизионных каналов... Где уж там найти место Богу. И теперь такая вот встреча... Буквально два слова о фильме. Я словно увидел раскрытое сердце человека, почувствовал жар его пламенеющей веры. Разумеется, сразу же возникла к автору масса вопросов. И я пошел к нему за ответами.

Павел Демидов

Дорога к дому

– Как у тебя все это произошло? Когда? Были какие-то предпосылки, ощущения?

– Начну чуть издалека, можно? Мама моя из крестьянской семьи. В 1932 году их раскулачили и выслали из Саратовской губернии в Среднюю Азию. Осели в Самарканде. Там она вышла замуж. Отец мой был убежденным атеистом, так что мама окрестила меня тайком; при крещении нарекли Владимиром, о чем я узнал значительно позже. Рос, как все: школа, пионерия, комсомол, где активно насаждалось безбожие. Не верить в Бога считалось доблестью. Но могу со всей честностью сказать, что я никогда не богохульствовал. С другой стороны, были бабушки, тетушки, просто знакомые, в большинстве верующие. Я тогда впервые обратил внимание, что у этих людей глаза другие. Словно обращенные взглядом внутрь... И немного грустные... Тогда я уже задумывался: есть что-то вне меня, вообще вне нашей жизни, что неподвластно нам и даже сильнее нас. Идея Бога мне, конечно, не приходила в голову. Помню, еще мальчиком я лежал в больнице, и там был

вор-рецидивист. Он был абсолютно безбожный, и он так тяжело умирал. Сутками кричал, ругался, и жалко было его, и страшно, и видно было, что он человек брошенный, ни к чему не принадлежащий, ни во что не верующий.

– Теперь ты знаешь: оставленный Богом.

– Именно так. Смерть эта меня поразила. Я видел: у него нет никакой внутренней опоры, он словно висит над бездной. А потом жизнь опять потекла спокойно, я опять ни о чем таком не думал. А потом, спустя много лет, вновь возникли эти мысли. И я поехал в Псково-Печерский монастырь...

– Зачем? У тебя были какие-то конкретные вопросы, желания?

– Конкретного ничего не было, а вот на душе скребло. Тогда я впервые встретился с монахами. И меня поразило, какие это умные, чистые, образованные люди. Они блестяще знали литературу, говорили на нескольких языках. А какие судьбы!.. Один был армейским офицером, другой из учителей, третий – доктор наук... Я всерьез задумался: ради чего они избрали этот путь?

– Для человека неподготовленного такие встречи – действительно духовное испытание.

– В строгом смысле слова, я, конечно, был младенец. Но почва все же была подготовлена. Поскольку я учился на филфаке, то был знаком со старославянским языком. Мы читали жития святых по программе университета. А в итоге та литература, которая использовалась в учебных целях как вспомогательная, сделалась для меня основополагающей. А параллельно текла обычная советская жизнь молодого, честолюбивого и, можно сказать, даже карьерного человека. Я стремился к творчеству и выбрал журналистику, ибо для писательства, считал, не вышел талантом. А журналистика в то время, конечно, была чудовищная. Партийно-комсомольская. Это был постоянный внутренний конфликт с совестью, потому что видел одно, а писать приходилось другое. Из-за этого я очень быстро ушел из пишущих журналистов в организаторы. Внутренняя неудовлетворенность привела к тому, что я вдруг почувствовал колоссальный страх смерти и даже перестал летать на самолетах. А во мне есть такая черта: если я сталкиваюсь с чем-то для себя новым или непонятным, то должен это изучить. Погрузился в литературу. И для начала, засомневался в атеистической теории о конечности жизни, а затем и в материалистической концепции происхождения вселенной.

– Подобные мысли посещают в определенном возрасте, наверное, каждого.

– Разумеется, я не уникален в этом смысле. Но у меня процесс пошел, если

ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ САГАЛАЕВ

Президент Национальной ассоциации телерадиовещателей, президент основанного им Фонда развития телерадиовещания, электронных СМИ и интернет-технологий, доктор политических наук, профессор, член Международной академии телевизионных искусств и наук, действительный член Академии информатизации, академик Российской академии телевидения, один из создателей популярных телевизионных передач «12-й этаж», «Взгляд», цикла телевизионных фильмов к 60-летию Октябрьской революции (Государственная премия СССР). Награды: орден Русской Православной Церкви св. блгв. князя Даниила Московского III степени, два ордена Дружбы народов, орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, премии «ТЭФИ», «Менеджер России-2004», «Телегранд-2005».

Женат (жена Людмила), двое детей – Михаил и Юлия, внуки Анна и Юлия, внуки Михаил и Тихон.

так можно сказать, от частного к общему: от моего конкретного страха перед смертью к тайнам мироздания и бытия.

– **Может, это и было подсознательным поиском Бога?**

– Возможно. Не знаю. Я задумался: что такое Большой взрыв? Случайность, которая породила жизнь? Маловероятно. Замысел? Тогда – чей? Случилось, что к началу 80-х я по совету друзей прочитал несколько работ Циолковского. В соединении с именами Федорова, Сквороды, Чижевского, Вернадского это знание легло на мои внутренние ощущения, в частности, что человечество должно соединиться со своими умершими предками. Значит, идея бессмертия не так уж беспочвенна? Дальше: что же в человеке бессмертно? И бессмертно ли? Теперь я понимаю, что тогда я словно бы стоял на пороге православной веры.

– **Но еще не занес ногу, чтобы переступить порог.**

– Почти занес. Тогда я познакомился с молодым человеком, который в рамках своей университетской программы выбрал темой дипломной и вообще научной работы Жития святых Русской Православной Церкви, Синодики. Материал этот мне был знаком, но я не знал, что он был верующим человеком, и думал, что тот просто увлечен своим предметом. Но, тем не менее, произошло еще одно соприкосновение с миром иным. Потом поразительно возник отец Сергей Булгаков, который оказался связан с именем Григория Сквороды, мне уже известного. Я стал увлекаться разными религиозными течениями. Много читал Александра Меня, книги по индуизму, буддизму. В 80-х – начале 90-х у меня появилась настольная книга – Священное Писание.

– **А почему, скажем, не Коран или не Тора, или не Бхагавадгита?**

– Они были... как ступени на моем пути, и ни на одной из них я не мог остановиться. Меня это не удовлетворяло. Особенно меня поразило Евангелие. Я понял, что это просто не могли написать люди. Образы, которые там существуют, сила, исходящая от каждого слова, – все это не шло ни в какое сравнение со всем, что я читал до этого и знал довольно хорошо. Я имею в виду не только произведения религиозного толка, но и мировую литературу. Я чувствовал и понимал, что это больше, чем Гомер, Шекспир или Достоевский. Это могло быть только дано. Как? И Кем?

– **Это взгляд с другой высоты, да?**

– Именно.

– **Это очень хорошо, что ты подошел к Священному Писанию, уже имея за собой солидный багаж знаний.**

– Я совсем по-иному стал воспринимать и многие произведения литературы. Я увидел, что Священное Писание составляет базу для многих из них. Я чувствовал, что мой приход к книгам Священного Писания был неизбежен и, пожалуй, даже предопределен. Сегодня эти книги меня постоянно сопровождают по жизни. Начиная от Толковой Библии и кончая крохотным карманного формата изданием, которое я беру с собой в самолет.

– **Чтобы избавиться от страха?**

– Это совсем другой страх. Теперь это страх за свое будущее. За будущее после смерти.

– **Это страх духовного падения. Он должен присутствовать в жизни христианина всегда. Как у старцев? «Помни о смерти, и вовек не согрешишь».**

– Теперь я это чувствую и понимаю. А тогда... Никогда не забуду: однажды летел из Соединенных Штатов, и среди пассажиров был православный священник. Самолет взлетал, и я вдруг почувствовал, что у меня нет никакого страха. Я понял, что эту уверенность вселил в меня батюшка одним только фактом своего присутствия. А потом однажды летел в Дели – самолет взлетел, и не убралась у него шасси. Он стал сливать горючее. С нами как раз летел генеральный конструктор этого самолета. И он всем говорил: «Не бойтесь», – шутил, смеялся. А когда пошли на посадку, вижу: крестится! Это я к тому, что, наверное, в каждом есть вера. У одного пышным цветом, у другого ростком, у третьего – всего лишь упрятым зерном.

– **А как иначе? Человек – все же создание Божие.**

– У меня, например, пока еще зерном или, в лучшем случае, ростком, и от этого жизнь делится как бы на два потока. Один – работа, карьера, творчество, журналистская, телевизионная работа. Другой поток – это то, что для себя, это моя внутренняя жизнь, внутренняя тревога, нет, пожалуй, не тревога, а...

– **Неуспокоенность?**

– Какое-то предошущение, что рано или поздно я должен выйти на какую-то истину. На какую-то вершину, с которой мне откроется нечто.

– **Ты рассказываешь, а передо мной образ старателя, который ищет золотоносную жилу. Идет, идет и...**

– А у меня, скорее, ощущение идущего в гору. И одной из вершин стал Псково-Печерский монастырь. До этого было накопление чего-то важного и светлого, но параллельно и наслоение недоброго, компромиссы, конъюнктурные поступки, потому что должен был идти вперед, чтобы получать от жизни не только «скупые телеграммы». Я ощущал в себе эту борьбу. Именно тогда я стал думать о Боге. Стал ходить в церковь, ставить свечи.

– **Но это пока были самостоятельные шаги?**

– Да, никто мной не руководил. Были какие-то отдельные встречи, беседы. В Псково-Печерском меня, например, пригласили в трапезную, все это было для меня крайне необычно, а потом я помню, может быть, немножко наивный эпизод. Когда я уже стал работать в программе «Время», я задумал первую на советском телевидении воскресную аналитическую передачу «Семь дней». Я до этого работал в молодежной редакции, и у меня было ощущение, что я делаю что-то не очень хорошее и должен это как-то исправить. Я всегда старался быть максимально честным перед собой и перед своей аудиторией. Не позволял себе цинично лгать. Старался пробивать какие-то полузапретные, запретные проекты... старался «сеять разумное, доброе, вечное». Но в то же время я стал членом парткома, участвовал в рассмотрении каких-то чудовищных персональных дел. Правда, никогда не голосовал за репрессии, но присутствовал, участвовал. Недалеко от дома, где я тогда жил, есть чудная церковь – иконы Божией Матери «Нечаянная радость». Я заходил туда иногда, и у меня всякий раз возникало чувство блаженства.

– **Интересно, есть ли у тебя такое ощущение, у меня, например, есть, что спокойнее всего ты себя чувствуешь именно в церкви? Как будто все остается за порогом, все проблемы, все неприятности и беспокойства, а здесь ты словно под покровом. Есть?**

– Конечно, есть! Именно поэтому я пришел в эту церковь накануне своего первого эфира с новой программой. Это было в моей телевизионной биографии ключевое событие. Я был ведущим и говорил не только о политике и экономике, но и о человеческих, нравственных цен-

ностях. И вот я поехал в церковь и там помолился, чтобы эфир прошел успешно, и просил Господа, чтобы он дал мне сил не лукавить в этой программе. Не поддаваться искушениям, давлению начальства. Программа прошла очень успешно. Газета The Independent даже написала: «Семь дней, которые потрясли мир советского телевидения». Все это были какие-то знаки что ли...

– Это Господь тебя вел.

– Теперь я это понимаю. Но тогда я шел как бы между двух дорог: одна была сатанинская, а другая – Господня. Иногда меня заносило на ту дорогу, иногда заходил на эту... И от этого было очень беспокойно. Иногда я просто садился за стол и писал, что сделал плохого, просил прощения, непонятно у кого. Это не была исповедь в классическом ее понимании. Скорее, отчет... перед самим собой. Но я чувствовал в этом потребность.

– В конечно счете, это все равно исповедь перед Богом.

– Сегодня я и это понимаю. Но тогда... вот случай, который произошел уже, наверное, лет восемь назад. У меня было необыч-

ное состояние, которое называют выходом из тела, или путешествием вне тела. Это было что-то, что происходит с человеком во время клинической смерти.

– Но у тебя же ничего такого не было. Ни травм, ни других потрясений.

– Ничего, ровным счетом. Что называется, абсолютно на ровном месте. То было совершенное, полное блаженство...

– Вот так вот – вдруг?

– Именно вдруг. Я лежал на диване, закрыв глаза, и слушал музыку. И вдруг *это* произошло. Возникло ощущение, что я вижу себя сверху, вижу Москву сверху, планету нашу сверху... А потом я вообще оказываюсь где-то в глубинах вселенной и нахожусь в состоянии бесконечного блаженства, в состоянии счастливого ожидания какой-то радости. И я услышал голос моей мамы покойной, то есть это не был звук...

– Это было внутри тебя.

– Да, внутри. «Не бойся смерти. Смерти нет. Мы все тебя ждем здесь». Это были ее слова. И я уверовал, что есть другой мир, потусторонний, в котором человек ощущает себя совершенно иначе, вне тела. Ощущает себя частицей чего-то... Возник образ космического пчелиного роя, в котором каждый человек это пчела, и она может, допустим, заболеть, и тогда весь рой будет не вполне здоровым. У меня вдруг появились ответы на важные вопросы, которые волновали меня прежде. Например, что такое ад. Это как черная дыра, где нет ничего.

Вот и привела дорога к дому. Оптина пустынь. У отца Илия

Где душа нераскаившегося, неверующего человека словно умирает. Отсутствует существование чего бы то ни было.

– Этот ответ ты получил именно тогда, во время того эпизода?

– Да. И не только этот. Всего не пересчитать.

– Как думаешь, сколько длилось твое путешествие?

– Минут двадцать. Может, меньше. Но там были такие, выражаясь современным языком, гигабайты информации!.. И у меня опять возник интерес к различным религиозным учениям.

– Наверное, и через Блаватскую прошел, и через Рериха...

– Конечно, конечно. У меня есть даже документальный фильм о Рерихе. В нем я задавался вопросом: почему Лев Николаевич Толстой со своей философией переплетается с буддизмом; почему Русская Православная Церковь отказалась от него как от своего сына? Очень много читал, встречался со многими людьми,

слушал на дисках лекции Алексея Ильича Осипова, которые меня потрясли. Я старался быть открытым ко всему, что дает хотя бы намек на существование этой высшей силы.

– Я бы назвал этот процесс расставанием с материализмом. Наверное, такой путь для нас логичен.

– Кого ты имеешь в виду?

– Нас, воспитанных материалистической идеологией. Далекое не каждому под силу сразу оторваться от «бытия, которое определяет сознание», и воспарить к горнему миру, к высотам духа. Дай Бог не заблудиться по пути в каких-нибудь индуистско-брахманистских лабиринтах, или не запутаться в рериховских переулках, или не упереться в тупик «великой доктрины» Блаватской.

– Лично мне этот путь знаком, и, думаю, я не исключение. Для меня решающей, чрезвычайно значимой была встреча с отцом Илием.

– Оптина пустынь?

– Да, Оптина. Я задумал сделать серию документальных фильмов о разных

проявлениях Высшей силы. Я сделал фильм об индуизме, фильм о такой мистической практике, которая называется холотропное дыхание, говоря по-научному, расширенное сознание. Я уже к этому времени был с головой во всем этом, в материале, в поиске. А когда встретился с батюшкой Илием, понял: я – нашел! Тогда же я встретил еще одного совершенно невероятного человека. Он живет всего в двух километрах от Оптиной пустыни. Там есть храм. И вот уже полвека настоятелем в нем отец Леонтий. Люди они, конечно, очень разные...

– Как нет двух одинаковых храмов, так не бывает и двух похожих батюшек.

– Отец Илий – в нем вроде бы обычная, земная строгость, которая, конечно, нужна верующему или идущему к вере человеку. И в то же время он – неземной. Он здесь присутствует, а вообще-то он там. Душой, сердцем, мыслями – там.

Если можно представить любовь, воплощенной в некий материальный образ, так это и есть отец Илий.

– **И это при том, что он, как ты говоришь, строг.**

– Когда я думал, у кого впервые в жизни серьезно исповедаться, то все-таки пошел к батюшке Леонтию. Я побоялся признаваться отцу Илию в своих грехах. Отец Леонтий с юмором отнесся и к этим переживаниям, и к моим поискам среди других религиозных традиций и практик. Он сказал: «Лишь бы ты о Боге думал. Лишь бы в сердце твоём жила любовь. А к истинной вере сам придешь». А вот что я услышал от отца Леонтия однажды: «Ты все ищешь, сомневаешься. А ведь мама тебя еще младенцем крестила в Православие. Никогда не задумывался, почему именно так получилось? Ведь мать это тоже воплощение любви на земле. А раз человек создан по образу Божию, значит каждая мать тоже немного Богородица. Раз мать тебя крестила, прими это как ее завет. И знаешь ли ты, что ты вообще счастливый человек, потому что принадлежишь к истинной, православной вере? Ведь она идет напрямую от Христа». Встречи с ними меня буквально перевернули и расставили все по своим местам. Как, скажем, на шахматной доске. Есть все тридцать две фигуры, но стоят они как попало – и партию не начать, и комбинацию не придумать. Но вот подошел к доске Мастер... Главное, что произошло тогда со мной: я понял, что есть другой уровень осознания себя, своего места в жизни. Это не философия, не логика, это – сердце. Можно читать Иисусову молитву великое множество раз, правильно дышать, можно найти себе какую-то ямку в полу в церкви и стоять только там, но если сердце молчит – значит, молчит Бог. Своим слабым внутренним существом я дерзаю говорить, что услышал Его. И я понял, что только так можно верить, тем, что мы называем сердцем... может быть, оно и совпадает с нашим одноименным органом...

– **Это орган веры, да?**

– Да. Да. Потому что именно там у меня, например, живет то, что дает ощущение великого блаженства или великой боли нравственной. Боли от осознания своих грехов. Я все еще очень осторожно могу сказать о себе: я – верующий. Верю в Господа нашего Иисуса Христа и во Святую Троицу, но еще так далек от того, чтобы Его заповеди стали органической, неотъемлемой частью моей жизни... К сожалению, это плохо получается. Ведь человек не только грешен, но еще и слаб.

Вот Господь и послал нам Сына Своего, чтобы Тот принял наши грехи на себя, а мы тем самым обрели внутреннюю свободу. Огромную внутреннюю свободу.

– **Ты сейчас произнес слово *свобода*. Именно ей у нас и посвящен номер, для которого мы делаем с тобой беседу. Пока ты ходил между различными исканиями, ты был абсолютно свободен в выборе. Сегодня ты, наконец, понял, что пришел к Православию. Пришел в свой дом. Скажи, пожалуйста, это ощущение не сковывает твою свободу?**

– Это совершенно разные измерения. Одна свобода – исследовать, изучать, выбирать для себя работу, жену, страну, в которую ты хотел бы попутешествовать, и так далее. Но это ни в какое сравнение не идет с той высшей свободой, которую дает вера.

– **А в чем ты ее ощущаешь, эту свободу?**

– Это, наверное, самый главный вопрос. Православная вера связывает тебя с Богом, Который уже сам по себе есть безграничная свобода. Теперь, я ощущаю, что свободен выбирать, в чем прежде мне было отказано.

– **Чем отказано?**

– Именно моим неверием. Я был приговорен им к смерти. Я знал, что гвоздь в крышку гроба – это последняя точка.

– **Что изменилось теперь?**

– Всё! Теперь я знаю, что Господь, дав мне, оказывается, жизнь вечную, предоставил и свободу выбора.

– **Между чем и чем?**

– Между вечным блаженством в моей жизни за гробом или вечными муками. Он дал мне такую возможность, а я волен выбирать.

– **Вот именно! Все равно выбираешь ты. Какое же место занимает здесь вера?**

– Ты меня провоцируешь или в самом деле хочешь знать?

– **Я хочу знать от тебя.**

– Изволь. Вера, я имею в виду вера православная, занимает наипервейшее место. Она, единственная, дала мне знание того, что душа бессмертна, что всех нас ждет воскресение, что от нас зависит, какой путь мы выберем – через парадный подъезд в светлые чертоги нашего вечного дома или с черного хода в подвал и темноту, где, по Евангелию, плач и скрежет зубов. А это, согласись, не свобода выбора между копченой и вареной колбасой.

– **Нет ли здесь соблазна уверовать в собственные безграничные возмож-**

ности? В то, что ты со всем можешь справиться сам?

– Наверное, есть. Если позволить себе поддаться самому тяжкому греху – греху гордыни. Я много думал над этим. Вот я, например, считаю себя сильным человеком, с сильным характером. Я могу заставить себя что-то сделать, переломить себя и так далее. Я могу впасть в иллюзию, что способен управлять своей жизнью, своей судьбой. С таким чувством многие живут. И многие религии стараются убедить человека в этой иллюзии. Сколько сект торгует такими практиками!.. Даже внутри христианства есть подобные направления. Но в какой-то момент жизни ты приходишь к пониманию, что без Божией помощи не можешь сделать ни-че-го. Это значит, ты пришел к Православию.

– **Хорошо, но у Православия тоже есть определенные правила. Придя к этой вере, ты стараешься этих правил придерживаться. Значит, ты начинаешь ограничивать себя. Значит, это ущемляет твою свободу.**

– Нет... Нет.

– **Или, наоборот, это облегчение?**

– Это облегчение.

– **Почему?**

– Попробую объяснить... Исповедующий Христа исповедует тем самым любовь. Ко всему. Ко всем. От малого до великого. Значит, его сердце свободно, потому что оно может вместить весь мир, всю вселенную. Если любви нет – сердце словно зажато в тиски. Какая же это свобода? Я понятно объяснил?

– **Мне – да. И Господь дал нам это даром. За так.**

– И теперь я понимаю, почему Православие – это поистине религия счастливых людей.

СКРЕПЫ

Сердце у человека – одно: когда оно ищет временного, тогда забывает о вечном.

*Святитель Игнатий
(Брянчанинов)*

Руслан Армеев

С днем рождения, дорогой князь!.. К 750-летию святого благоверного князя Даниила Московского

Таким увидел князя Даниила преподаватель местной школы искусств художник Владимир Серода

Наш городок (17 тысяч жителей) – за Волгой, между Ярославом и Вологдой, в лесах. Хотел написать – в дремучих, да осёкся. Когда-то да – дремучими были леса, а теперь их знатно повыврубили, в последние годы – особенно. Но все равно пол-Ярослава, наверно, ездит за грибами к нам, в наши березняки да ельники. Городом мы стали не так уж давно: по указу Екатерины Великой в 1777 году, за компанию с Рыбинском, Мышкином, Мологой, Пошехоньем. А до того значились как село Даниловское, или Данилово. Да и сейчас нет-нет и услышишь в наших деревнях: «Поедем, сват, в Данилово». То есть селото еще крутится и в мозгах, и на языке.

А вообще же мы – гордые! Вот я вам прочитаю табличку с Памятного знака на Преображенской площади: «На этом месте в конце XIII века Московский князь Даниил возвел первые постройки, положив начало городу Данилову». Если честно, историки этого факта не подтверждают – все в глубоком скепсисе. «Но, – рассуждали еще прадеды наших старожил, – откуда-то взялось это название – Данилов. Был, наверно, когда-то – Дани-и-лов, а второе «и» утерялось, растряслось на ухабах веков». Местное предание твердо связывает историю возникновения нашего поселения со святым благоверным князем Даниилом Московским, младшим сыном Великого

князя и тоже святого и благоверного Александра Невского. И вот, вспомнив в январе 2011-го, что год-то, оказывается, юбилейный – «наш» Даниил родился в 1261-м, – мы тут засуетились.

Мы – это неравнодушные к своей истории миряне, искренне считающие, что она, история, началась не с 1917 года, а «чуть-чуть» раньше, а также полагающие, что без православной веры, тысячу лет служившей для коренной России верной опорой и крепким стержнем, без возвращения ее в сердца и души людей, ничего у нас хорошего сегодня получиться не может. И подняли мы такую крутую «волну», что она докатилась аж до властных кабинетов. Тогда и лёг перед нами опубликованный в местной газете официальный «ПЛАН культурно-просветительских мероприятий, приуроченных к 750-летию со дня рождения святого благоверного князя Даниила Московского – основателя нашего города и небесного покровителя Даниловской земли». Чудное название для официальной бумаги! Я насчитал в ней целых 19 пунктов и честно скажу: ни один «официоз» никогда не был для меня столь желанным и приятным. Конечно же, не только для меня одного.

С чего начать путешествие по этим 19-ти пунктам? Начну, пожалуй, с необозначенного пункта 20-го и даже не с князя Даниила, а с отца его – с Великого князя Александра Ярославича Невского, поскольку и его след есть на городской карте... Построили у нас в конце XIX века каменную двухэтажную богадельню и над ней подняли маленькую колоколенку с крестом – внутри освятили домовый храм во имя св. Александра Невского. В советское время богадельня стала одним из корпусов районной больницы. И колоколенку, естественно, с крыши скинули, а храм выдворили – в никуда. Но времена-то, слава Богу, меняются! По молитвам горожан началась реставрация старой богадельни. Молебен «на начало доброго дела» обозначил отрадный факт: после ремонта внутри здания будет воссоздан домовый больничный храм – понятно, во имя св. Александра Невского. Образ его святой был и на молебне, и теперь дожидается своего срока и места в кабинете главврача.

От отца легче перейти и к сыну. Мы теперь все тут историки, все Ключевские и Карамзины – бросились листать энциклопедии и жития святых, изучать русский XIII век.

Мы нашего князя – **жалеем**. А как же?! Всего два года было Даниилке, когда по до-

Памятный знак на месте первых построек

Фотографии Валентины Березкиной

роге из Орды домой, в Городце-на-Волге, в ноябре 1263 года скончался его отец. «Были Даниил на погребении своего отца? – спрашивает автор одного из житий. – Возможно, малютку привели мамки и няньки, а может, и на руках принесли в ноябрьскую стужу, чтобы он мог проститься последним целованием с родимым батюшкой». Очевидец, бывший на погребении великого князя, писал так: «Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было. Даже земля содрогнулась». Александра Невского называли Солнцем Земли Русской.

Мы нашим князем – **восхищаемся**. Семь лет жил мальчишка в доме своего дяди Ярослава Тверского, а как преуспел!.. Уже в три года, как взрослому, остригли ему в скобку вьслы, посадили на коня, отслужили молебен и справили пир – дитя становилось отроком, признавалось наследником. Грамоте его учили монахи – по Часослову и Псалтири. Читали, конечно, и «Поучение» князя Владимира Мономаха, обращенное ко всем потомкам: «Дети мои... прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра». Учили Даниила, едва подрос, и воинскому делу, учили быть сильным и ловким, метко стрелять из лука, умело владеть мечом и копьём. Рассказывали ему и о подвигах отца, о мудрости его – сила силой, но не только на нее надо по-

лагаться: «Не в силе Бог, но в правде». Дядя Ярослав стал брать отрока-племянника в свои поездки – чтоб видел, как люди живут, чтоб знал Русскую Землю. Бывал он и в Твери, и в Великом Новгороде, посещал Псков, Переяславль, Кострому (не тогда ли приметил в костромских владениях живописные наши холмы над речкой Пелендой?). К десяти годам – вот воспитание, вот школа! – отрок Даниил уже вступил в княжеские права и явился в свой удел – в Москву, чтобы жить там и править...

Мы нашему князю не перестаем – **удивляться**. Весть о юном Московском князе – незлобивом, смиренном, деловитом, христоролюбивом – быстро растекалась по Руси. Князь привечал трудников, собирал дружину. Малая Москва быстро пошла в рост. Как говорится в одном из жизнеописаний князя, «пособниками Святого были кротость и любовь». Первую церковь во имя своего небесного покровителя Даниила Столпника поставил князь за Москвой-рекой, положив начало Данилову монастырю... После смерти Александра Невского властолюбивые его сыновья – Василий, Димитрий, Андрей – постоянно заводили между собой распри, нередко обращаясь за помощью даже к татарским ханам. Но только не князь Даниил! «Напротив того, – пишет митрополит Платон (Левшин), автор жития святого, – князь Даниил, пребывая в своем уделе, в тишине, имел счастье многократно примирять враждующих князей... Хотя и выходил троекратно против них с ополчением, но это его ополчение служило для него и для всех единственным средством к получению любезного мира, каковой между собой постанавляя, все они без брани и кровопролития расходились». Вот оно – действенное «принуждение к миру» образца XIII века!.. Смирennemудрие князя положило начало собиранию вокруг Москвы Российского государства.

Мы теперь о нашем князе Данииле много чего знаем и не устаем его – **славить**. Очень симпатично нам даже чадолюбие князя. По одним источникам у него (и супруги – праведной Вассы) было семеро сыновей, по другим – аждевятеро и одна дочка! И все Даниловичи жили дружно, помнили, чтили и исполняли заветы боголюбивого отца.

Итак, Данилов целый год празднует 750-летие святого князя Даниила Московского. Ну, не подумайте, что нам и работать некогда!.. Развесили на улицах огромные полотнища (баннеры – не выговорить), с которых поздравляем даниловцев с исторической датой. Все более или менее заметные события в городе осеняем именем святого Даниила. Летом был межрегиональный фестиваль патриотической песни «Мое имя – Россия» – начинали со здравицы князю Даниилу. Он ли не патри-

от!.. В День города «живой» князь Даниил с почетным эскортом прибыл на главную площадь и, поднявшись на открытую сцену, приветствовал горожан... Про князя Даниила учителя подробно рассказывают школьникам, а музей и библиотека собирают знатоков на научные чтения... Князю Даниилу уделяют повышенное внимание местные СМИ – газеты «Северянка», «Мой Данилов» и два телеканала... Святому князю были посвящены конкурсы детских рисунков и фотографий, а еще – осенняя ярмарка щедрого урожая садов и огородов... И это только часть тех самых плановых 19-ти «даниловых» пунктов.

В день обретения мощей святого князя Даниила Московского (12 сентября/30 августа) после Божественной литургии благочинный даниловских храмов иерей Михаил Гончарук говорил о том, что небесный наш молитвенник и покровитель святой Даниил стал теперь еще ближе нашим сердцам и что город радостно отмечает день своего тезоименитства.

А я тотчас вспомнил, что свое тезоименитство князь Даниил отмечал, как утверждают ученые богословы, на Даниила Столпника, то есть в декабре. Небесный его тезка жил в пятом веке в Месопотамии. На возведенном своими руками столпе молился... 33 года. Обладал даром прорицателя, целителя, а еще – даром благодатного слова, наставляя многих на путь истины... И нам бы, – подумалось, – в нашем *Дании-и-лове*, не сходить бы с путей праведных, учиться бы у двух Даниилов, как надо, возведя свои «столпы», твердо на них стоять!.. Но не всегда получается.

Одним из пунктов нашей юбилейной программы значилась закладка камня на месте будущего памятника князю Даниилу (чем мы хуже Москвы?!). Выбрать место для монумента было не самым трудным делом, хотя и тут споров возникло немало.

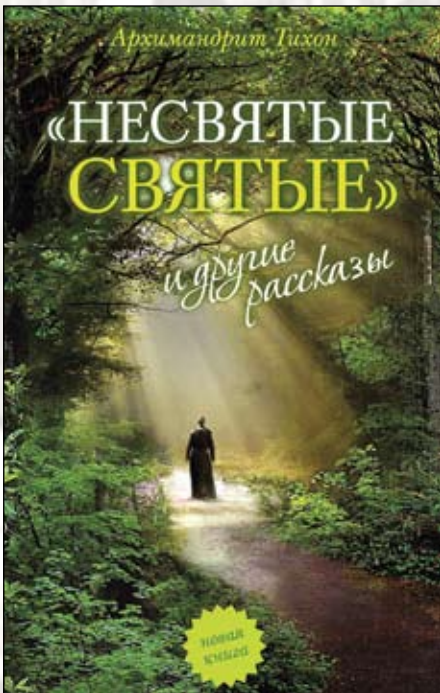
Самое трудное оказалось – и гадать нечего! – в деньгах. Москве-то – хорошо: вон у нее какие тугие карманы да тяжелый кошелек! А мы подсчитали и... прослезилась. И даже не решились объявить всеобщую подписку на памятник князю. Хотя яркий пример «столпничества» у нас есть. В начале прошлого века сестры крохотного Казанского монастыря близ Данилова решили построить (и построили!) грандиозный Казанский собор под стать собору Морскому в Кронштадте (архитектор тот же – В.А. Косяков). Но сколько же они претерпели! Двадцать лет собирали копеечки, рублики по всей округе!.. Мы, видно, пока к такому подвигу не готовы.

Так получилось, что я живу по полгода то в Данилове, то в Москве. Но и в первопрестольной «даниловское» никогда не оставляет меня. Захожу в книжную лавку Данилова монастыря; ежжу за овощами на Даниловский рынок; бываю на Даниловском кладбище; люблю постоять на Даниловской площади у памятника князю Даниилу – положу цветок к подножию... И знаете, о чем мечтаю? Чтобы наша **даниловская** власть навела бы деловые и дружеские мосты с московской **Даниловской** управой, а вслед за властью и обычные люди поехали бы друг другу в гости... Хорошо бы еще, чтобы монахи Данилова монастыря завели бы где-нибудь у нас свою пасеку (есть у них несколько таких под Рязанью), и монастырский мед «Даниловский» (вместе со светским и известным уже «Даниловским» сыром) прославился бы на наших и не наших столах... Юбилейный «даниилов» год пошел во благо граду Данилову. И уже нам не кажутся поэтическим преувеличением строчки из церковного тропаря: «Явился еси в стране нашей, яко звезда пресветлая, благоверный княже Данииле...»

г. Данилов, Ярославская область

Праздничный Крестный ход

Не часто выпадает такая удача: не успеет появиться на экранах фильм или выйти из печати книга, а их уже цитируют, воспроизводят фрагменты, что называется, растаскивают на цитаты. Ладно, если речь идет о произведении так называемого *массового спроса*, то есть адресованном широкому, вплоть до неопределенного, кругу зрителей или читателей. Но вот передо мной книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»¹. К бестселлерам, в нынешнем понимании этого слова, ее не отнести, ибо написана монахом о монахах же, а кому в нынешнем безбожном, бесноватом мире это всерьез интересно? Однако еще задолго до выхода о книге знали, ее ждали, и вот, когда она, наконец, появилась в продаже, ее встретил оглушительный успех. Тираж 60 тысяч экземпляров, весьма значительный по нынешним временам, кажется каплей в океане читательского интереса.

В таких случаях о произведении говорят: у него счастливая судьба. И хочешь задать вопрос: отчего же привалило такое счастье? Приходилось слышать о так называемой пиар-кампании: интерес, мол, подогревался искусственно. Две публикации доволь-

¹ Полное название: «Несвятые святые» и другие рассказы». М.:Изд-во Сретенского монастыря»; «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Счастливая судьба

но больших фрагментов книги в газете «Известия» той поры, когда она еще была действительно газетой, а не нынешним жалким обглодышем, в самом деле пробудили интерес к книге, однако это был интерес как раз естественный. Дважды или трижды я встречал в печатных изданиях байку про кога и копта, но и что из того? Какой это пиар? Успех книги в ином. В чем же?

Дело в том, что книгу со счастливой судьбой написал человек такой же, как и его детище, счастливой судьбы. Я имею в виду именно отца Тихона. Счастье, которое он испытывает от того, что посвятил свою жизнь служению Богу, присутствует на каждой из 636 страниц, оно прочитывается в каждом слове, чувствуется в каждой букве. Больше того: это – книга и о таких же счастливых людях, насельниках его родного Псково-Печерского монастыря. Какая же иная могла быть уготована ей судьба?

Дочитав книгу, я несколько дней носил в себе теплое и немного печальное чувство. Так бывает, когда в течение какого-то времени общаешься с понятными и близкими тебе людьми, начинаешь любить их, а потом – расстаешься... Может быть, это ощущение было индивидуальным, поскольку вообще монашество лежит возле моего сердца. Но все-таки, полагаю, здесь больше заслуги автора, чем моей.

«Где просто, там ангелов со сто», – так говорил, кажется, Амвросий Оптинский. Эти слова можно без натяжки приложить к книге архимандрита Тихона. Возможно, сказалась мирская профессия – о. Тихон окончил ВГИК и имеет достаточный опыт режиссера и сценариста. Его «Несвятые святые» на редкость кинематографичны – просто бери камеру в руки и начинай снимать по книге, как по сценарию. Написано хорошим русским языком, что ценно уже само по себе. Нет эдакой псевдорелигиозной зашоренности и фарисейской стыдливости. Но зато нет и развязности, хотя иные сюжеты весьма провокативны. Юмор всегда уместен и пристроен. И что особенно ценно и важно: автор присутствует едва ли не на каждой странице (тако-

В Псково-Печерском монастыре архимандрит Тихон начинал свое монашеское делание

Фото Виктора Ахломова

вы требования жанра), но даже там, где он оказывается главным действующим лицом, он не на переднем плане, а где-то в «массовке». Так что своему монашескому деланию – имеется в виду смирение – отец Тихон, как мне представляется, не повредил.

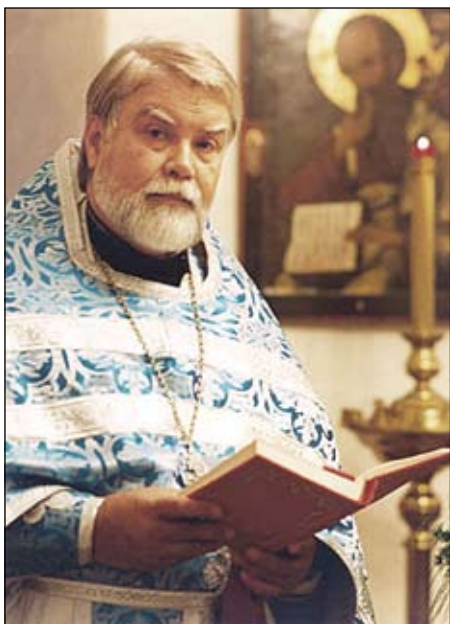
Книг, подобных этой, на полке духовной литературы и в самом деле не много. Разве что «Архимандрит Павел (Груздев)» в воспоминаниях и рассказах, «Отец Арсений»... Ни в коем случае не дерзаю составлять список или ограничиться названным – просто это первое, что пришло на память. Да и то названные произведения – совершенно другие по жанру. «Несвятые святые» ценны, а точнее – бесценны – тем, что открывают нам не щель, не скважину, не форточку, а открывают окно в неведомый, прекрасный и чистый мир жизни и подвига воинов Христовых. Делая это откровенно, но тактично, смело, но сдержанно. Перифразируя некоего исторического деятеля, могу сказать: книга архимандрита Тихона – мирская по форме, но православная по содержанию. Каковой, собственно, и должна быть вся наша жизнь.

Павел Демидов

Дмитрий Шеваров

Писатель Шипов не хочет «пасти народы»

Некоторые, размышляя над причинами популярности его книг, всерьез заподозрили, что «священник Ярослав Шипов» – псевдоним, под маской которого трудится целый сонм талантливых авторов. Ими, мол, и создан столь удачный образ современного батюшки, парадоксально сочетающего в себе городскую книжность и деревенскую сметку, самоиронию и благоговейность, благодушие и сарказм.

Одни критики отнесли его прозу к традиции Лескова, отчасти – Чехова; другие (и это суждение мне кажется более точным) склонны видеть в прозе Шипова не столько ученическое следование русской классике, сколько абсолютно сегодняшнее, живое явление, крепко сцепленное с относительно недавней неконформистской и самиздатской литературой 1970-х годов.

И если говорить о предтечах, то они не из девятнадцатого, а из двадцатого века. Прежде всего вспоминаются имена старших современников Шипова, двух блестящих стилистов: Юрия Казакова и Сергея Довлатова. Их имена не принято ставить рядом, они будто из разных систем координат. Один – глубочайший лирик, серьезный и даже скорбный, другой в православной среде считается легкомысленным циником (что совершенно несправедливо, на мой взгляд). Кажущаяся незатейливой, проза о. Ярослава виртуозно примиряет оба эти подспудные влия-

Сборники рассказов отца Ярослава Шипова расходятся в церковных магазинах и лавках мгновенно. В какой-то момент даже литературные критики, обычно высокомерные по отношению к тому, что называется «православной литературой», вынуждены были признать, что Шипов – это событие в современной словесности. О нем стали писать, о его рассказах стали спорить.

ния, просветляя скорбь христианским благодушием, нейтрализуя стоицизмом апокалипсические мысли, а разрушительную иронию претворяя в то снисхождение, в ту добрую усмешку, с которой дед смотрит на шалости маленьких внуков.

Вообще, после рассказов Шипова сам собой приходишь к заключению, что сохранить относительный мир в душе возможно лишь тогда, когда ко всем людям относишься, как к детям. Не в том, конечно, смысле, что надо поучать взрослых или ставить их в угол, а в том, что сегодня душа человеческая более всего похожа на ребенка-сироту, измученного скитаниями и обиженного на весь белый свет, и только через ласку и прощение можно найти в ней отклик и понимание.

Цикл рассказов отца Ярослава образует хронику, которая начинается с конца 1980-х годов, с внезапного назначения автора на отдаленный сельский приход, где до основания разрушены все храмы. И это ведь была только видимая часть беды. Да, верно говорят: вера не в бревнах, а в ребрах. Так ведь и ребра оказались все отбиты или переломаны.

В июне 1993 года я оказался в командировке в той самой деревне Верхний Спас (Тарногский район Вологодской области), где начинал свое служение отец Ярослав. Он был единственным на огромный край священником, его раздирали просьбами приехать крестить, соборовать, отпевать (венчать – очень редко). Помню, был день Всех святых, в земле Российской просиявших, совпавший с 600-летним юбилеем деревни (!), и отец Ярослав служил молебен под открытым небом, на высоком берегу реки. К празднику возвели деревянный помост вроде сцены, а вокруг расставили лавочки, густо заполнившиеся народом. Многие первый раз в жизни видели священника, сидели и глядели на отца Ярослава,

как на инопланетянина, – затаив дыхание и прижав к себе детей. Никто и не догадался встать. Сейчас легко посмеяться над тогдашней дремучестью, а ведь при этом как доверчивы и чутки были люди, как горячо они стремились выбраться из-под обломков рухнувшей идеологии!

Но тут под ударами «перестройки» стал на глазах стремительно рушиться и колхозный уклад. Не успев осуществиться и в малой толике, истаяли надежды на новую, светлую жизнь. Спиралось последнее крестьянство, прозябала интеллигенция, полуголодными и беспризорными оставались дети. В рассказах отца Ярослава одна за другой рисуются драматические, а то и трагические картины с натуры...

И там, где мог бы развернуться во всю силу пафос народолюбия или загреметь гром обличения пороков, или пролиться слезный дождь уныния – и все это было бы уместно! – вдруг включается спасительный юмор. Но это ни в коем случае не юмор в его нынешнем «кривозеркальном» обличье. У Шипова – это только вздох с едва

КНИГИ СВЯЩЕННИКА
ЯРОСЛАВА ШИПОВА:

Православие. Словарь школьника. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2004.

Долгота дней. Рассказы. М.: Лодья, 2005.

Райские хутора. Рассказы. М.: Светлый берег, 2007.

Лесная пустынь. Рассказы. М.: Светлый берег, 2009.

Первая молитва. Рассказы (в серии «Современная православная проза»). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010.

Первая молитва. Рассказы. 2-е издание, исправленное. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011.

приметной улыбкой, когда мудрый человек отступает от ситуации, не в силах повлиять на нее напрямую. Автор отдает себя и свою горемычную паству на волю Божию. И, что важно, не декларирует это вслух, а лишь подразумевает.

Автор и в самом горьком разочаровании не скажет: «Да горите вы тут синим пламенем!..» Нет, он отходит с любовью. И вскоре тупиковая, с мирской точки зрения, ситуация неожиданно разрешается или утишается. При этом священник редко напрямую, внешне участвует в событиях. Шипов не пишет:

Ярослав Шипов

Неделю не мог домой попасть – служил на дальних приходах. Возвращаюсь – а у меня перед домом сеют. Отслужил молебен, положенный перед началом сеяния хлебов, взял святую воду и пошел по дорожке через поле, кропя парящую землю. Гляжу, кругом всё пустые бутылки валяются – насчитал шесть, и механизаторов – они на дальнем краю у тракторов возлегли – тоже шестеро... Окропил трактора, зерно в сеялках, отцов-механизаторов и ушел восвояси.

А сеяли они пшеницу, которая в здешних краях ну никак не урождается. То есть в прежние времена, когда Отечество наше было православной державой, местный народ даже торговал пшеницей, потом, когда оно отступало от веры, пшеница еще кое-как вызревала, но вот уж когда оно провозгласило себя страной воинствующих безбожников, пшеница удаваться перестала. Как говорил наш архиерей: «За всю историю человечества не было в мире других дураков, которые провозгласили бы богоборчество государственной политикой. Додумались, паки и паки!»

Пока пшеница себе возрастала, я мотался по огромнейшему району с разными сельскохозяйственными требованиями: в одном углу нужен дождь, в другом – ведро... Получилась полная неразбериха. Известно, что раньше священники на молебен о дожде брали с собою зонтик. Мне зонтик был без надобности, поскольку я успевал уехать на автомобиле до начала дождя, но люди-то оставались! И когда я, не

вот священник помолился, и по его молитвам жизнь вошла в разумные берега. Нет, все, что касается молитвы, для автора – за кадром. В этом его редкое для нынешней православной словесности целомудрие.

Проза Шипова странна и непривычна для нас еще и тем, что она написана человеком, который не переоценивает литературу, не ставит себе каких-то миссионерских целей. Отец Ярослав очень трезво относится к своему писательскому ремеслу и в качестве писателя категорически отказывается «пасти народы». Да, русская литература – осо-

Пшеница золотая

дели через две снова попадал в этот край, то оказывалось, что ручьи вышли из берегов, мосты поносило, а сенокос может не состояться вообще, так что пора готовиться к голоду. Срочно служили другой молебен. Дождь прекращался, но в течение двух недель до следующего моего приезда засуха сжигала посевы и даже траву, так что голод опять оказывался неминуем. Либеральный газетчик организовал партию «зеленых», возглавил ее и в каждом номере публиковал передовую статью об угрозе глобальной экологической катастрофы в районе... И тогда вместо молебнов о ведре и дожде мы стали служить молебны, полагающиеся перед началом доброго дела. Тем более что к этому времени сложение крестьянских просьб стало представлять неразрешимую задачу: один-два дождичка для картошки, но чтобы сенокосу не повредить, а там для капусты маленько добавить, но не в уборочную, хотя и для грибков дождик не помешал бы, но без жары, чтобы не зачервивели...

Между тем пшеница выросла такой красивой, такой могучей, что это стало смутительной неожиданностью для нашего хозяйства. Со всего района съезжались специалисты: шупали, мяли и перетирали в ладонях шоколадные колосья, нюхали и жевали зернышки. Председатель рассказывал о составе почвы, сроках посева, количестве удобрений, и гости записывали, записывали. А жители нашей деревни то и дело просили исполнить по радио ласковую песню Исаковского: «Стеной стоит

бенная, но все-таки это только литература. И надо смириться с тем, что даже великая русская классика девятнадцатого века не смогла предотвратить 1917 год. Не спасла от распада страну и замечательная советская литература.

Рассказы отца Ярослава Шипова – это попытка вернуться на «узкий путь», к задаче, только кажущейся простой: внятно поведать о жизни. Поведавать честно, но так, чтобы, закрыв книгу, читателю не захотелось лезть в петлю или хвататься за ружье. Чтобы ему захотелось жить чисто и светло. И разве этого мало?

пшеница золотая по сторонам дорожки (левой полевой)...

Механизаторы, гулявшие в честь окончания уборочной, достоверно поведали мне, что урожайность оказалась такой громадной, что компьютер не вместил и на счетах косяшек не хватило. По всему получалось, сказали они еще, что с такой урожайностью наш колхоз сможет завалить пшеницу всю Европу и даже Америке маленько перепадет. Но, конечно, не на этот год, а только на следующий.

Следующей весной я предложил агроному объехать с молебнами все поля. Агроном у нас женщина современная, гоняет на мотоцикле. Правда, забывает иногда, как тормозить, и оттого по временам в заборы врезается, но это уж... Прав был архиерей: «С баб, наверное, и на Страшном Суде ничего не спросят. Ну что с них спрашивать? Чуда в перьях... Похоже, за все придется отвечать нам».

Она сказала: «Это все глупости для отсталых старух. Урожай зависит только от уровня агрокультуры».

Глупости, так глупости. Для старух, так для старух. Агрокультуры, так агрокультуры.

Но с тех пор на этом поле не вызревало уже ничего: ни рожь, ни ячмень, ни пшеница – все не угадывали с почвой, сроками, семенами и удобрениями, а если и угадывали, то случались поздние заморозки, град или еще что-нибудь непредвиденное, напоминавшее о том, кто здесь Хозяин.

Так что Европу нам завалить не удалось. Да и Америке не перепало.

Праздник

Приехали посыльные от местного руководства: говорят, что селу нашему – старейшему в районе – исполняется шестьсот лет, отчего произойдет всенароднейшее гулянье, и потому необходимо будет которого-то июля наладить погоду.

В этом есть нечто удивительное, потому что село наше названо в честь праздника Преображения Господня, неуклонно отмечаемого девятнадцатого августа по новому стилю, и, думается, испокон веку в день этот всегда случалась превосходнейшая погода, а откуда взялось которое-то июля?.. А оттуда, говорят, что у главы администрации в августе отпуск, и потому день рождения села приходится переносить.

Стало быть, за шестьсот лет до нас прибрел сюда крещеный человек, построил церковь, посвятил ее Преображению Господа нашего Иисуса Христа с надеждой, понятное дело, на преобразование всей этой местности и всех диких людей ее, а теперь празднование приходится переносить из-за того, что сызнова одичавшее местное руководство собралось в азиатскую страну прикупить шмоток... Объясняю, что к Начальству Небесному обращаться с такою глупостью никак невозможно. Уехали.

Через некоторое время появляются новые ходоки – культработники из областного центра. Мужик в шляпе – он прямо так и зашел в храм – главный по этой части.

– У меня, – говорит, – к вам вопрос, – при этом перегаром от него несет так, что находиться рядом никак невозможно.

Отступив на пару шагов, объясняю насчет головного убора. Он неохотно снимает шляпу и прикидывает, куда поместить ее. А при нем дамочка-секретарша – как раз без всякого покрытия вытравленных кудрей. Главный культурный человек нахлобучивает шляпу на ее бедную голову

– Необходима, – говорит, – хорошая погода на празднование.

Поинтересовался иконами: которые, мол, поценнее? Велел секретарше все в точности записать. Потом спросил насчет храма – которого века...

– Девяностые годы двадцатого, – отвечаю.

– Неплохо сохранился, – говорит.

Секретарша в шляпе объясняет:

– Девяностые годы двадцатого века – это сейчас.

– Тогда занеси в графу: «Наши достижения»...

В свой черед наступает неправильный день великого празднования. С утра отправляюсь на службу – дождь. «Что ж, – думаю, – нормальное дело, мог бы даже и снег пойти». Отслужили. Бабушки-прихожанки понурые стоят – на улицу выходить неохота. Гляжу, а среди них секретарша культурного человека – кудри у нее теперь фиолетовые, но зато косыночкой повязана. Что ж, спрашиваю, она в такой помрачительный цвет окрасилась? Оказывается, начальство повелело в честь праздника и возможного приезда столичных гостей, «потому как фиолет теперь в моде». А где же, спрашиваю, начальство? Выясняется, что начальство уже набанкетничалось

и поубывало кто куда. Как-то уж очень быстро они, говорю, даже не верится.

– Дак они уже сутки банкетничают.

Тут еще явилась вымокшая учителька-пенсионерка, которая у меня за чтеца: просит прощения, что опоздала – коза у нее болеет.

– Сколько, – спрашиваю, – у тебя коз?

– Одна дак.

– А у твоего деда сколько было?

– У деда? Да у него лошадей было пять штук, коров – четыре, а овец и коз – кто их считал тогда?

– А в церковь он ходил?

– Каждое воскресенье!

– Вот потому у него столько всего и было. А ты – так с одной козой и останешься.

Она просит епитимью, и я оставляю ее в храме читать покаянный пятидесятый псалом, который она всякий раз читает с ошибками. Впрочем, как и все остальное. А мы отправляемся к центру праздника – к деревянному помосту, сооруженному на высоком берегу реки. Из-за дождя действо никак не может начаться, и народ, занявший места на скамейках, терпеливо жмется под зонтиками. Да и ярмарка, специально для которой мастерились дощатые прилавки, молчит: корзинки, лапти, цветастые половики, мед – все спрятано от дождя под клеенками. Отслужил я молебен, полагающийся перед началом доброго дела, и опять пошел в храм: кто-то из приезжих попросился креститься. Потом еще и обвенчал одну немолодую пару. И тут дождь прекратился: вышло солнце. Прочитали мы подобающее случаю благодарственное молитвословие, и на этом богослужения завершились.

А праздник только начал разворачиваться: заиграли гармонисты, загудела ярмарка, выкатилась откуда-то бочка домашнего пива... Вся эта суматоха продолжалась до полной темноты.

Когда стемнело, снова начался дождь.

Год и вечность

Вышел необыкновенный календарь на 2012 год

Каких только счетчиков времени – календарей не встретишь сегодня на прилавках. Есть среди них действительно полезные и удобные, однако нередко встречается и откровенная халтура. Знаменитое грибоедовское «Все врут календари» имеет, увы, продолжение и в наше время. Однако для предстоящего года в этом жанре появилось удивительное ис-

– Почему именно 57 имен? Не больше и не меньше? Не мало ли для целого года?

– Просто так сложилась книга. Сейчас модны издания «100 поэтов», «1000 рецептов», «10 000 советов»... Но антология «Год с русскими поэтами» опирается на совсем другие цифры – это даты, которые ставили поэты под своими стихотворениями, письмами и дневниковыми записями. Моей задачей было найти тексты русских поэтов на каждый день года. Это было очень непростым поиском, поскольку далеко не все поэты датировали свои стихотворения. Откройте, к примеру, том Лермонтова, и вы обнаружите, что в лучшем случае известен год создания того или иного стихотворения, а о месяце, а тем более числе – и речи нет. Поэтому 57 поэтов – это вовсе не мало для антологии в 365 страниц.

– Поэтому некоторые имена встречаются по несколько раз?

– Да, эти пять-семь поэтов сопровождают читателя весь год. Сразу назову их: Василий Андреевич Жуковский, Константин Николаевич Батюшков, Александр Сергеевич Пушкин, Иван Сергеевич Аксаков, великий князь Константин Константинович Романов... Они представлены не только стихотворениями, но и письмами, отрывками из дневников и записных книжек. Как это бывает в фильме, эти поэты – в главных ролях. Остальные, получается, «снялись» в эпизодах. Но и эти эпизоды для меня драгоценны. Читатель встретит там стихи прекрасных, но, увы, забытых поэтов. Вот лишь несколько имен: о. Исаакий Виноградов, Евгений Милькеев, Юлия

Жадовская, Степан Шевырѐв, Арсений Голенищев-Кутузов, Елизавета Дмитриева, Александр Кондратьев, Наталья Крандиевская... В календаре не было возможности рассказать о каждом из них подробно, пришлось ограничиться небольшими справками в конце. К счастью, из календаря выросла книга «Тихая пристань», недавно я сдал ее в издательство Свято-Елисаветинского монастыря и, надеюсь, она даст более полное представление о поэтах, пребывавших так долго в забвении.

– Чем автор руководствовался, отбирая кандидатов в календарь?

– Об одном условии я уже сказал: мне была важна точная датировка текста. Чтобы, открывая календарь, читатель встречался со строчками, написанными когда-то именно в этот день, а не со стихами, произвольно выбранными составителем по своему вкусу и разумению. Поэтому выбор диктовало само течение времени, а я только стоял на берегу и тянул сети.

– И все-таки, почему именно эти, а не другие стихи?

– Во-первых, я ограничил себя пространством одной эпохи, одного календаря – юлианского. Мне было важно, что он соответствует календарю цер-

ковному. Благодарить за прекрасный подарок следует издателей – минскую Свято-Елисаветинскую женскую обитель и московский Сретенский мужской монастырь, а также составителя – хорошо известного читателям «Лампады» Дмитрия Шеварова. К нему у нас несколько вопросов: ведь по его календарю можно жить не год, не два, а столько, сколько живет поэзия.

ковному. А летоисчисление по юлианскому календарю оборвалось в России в 1918 году. Еще несколько лет по инерции, а чаще по своим убеждениям, люди датировали тексты по старому стилю, поэтому у меня в календаре встречаются тексты и 1919-1920 годов.

Во-вторых, я старался удержаться от включения в антологию стихотворений мрачных и унылых. Уныния сейчас в жизни и без того хватает. При этом от каких-то разудалых мотивов тоже отказывался, поскольку я изначально готовил издание для монастырского издательства. К тому же мне самому хотелось видеть в календаре произведения, несущие в себе если не высшую гармонию, то чувство лада, чувство дома. Мне хотелось сделать календарь домашним, семейным не по названию, а по духу, по интонации.

– А фрагменты писем, отрывки из дневников, не имеющие отношения к поэзии? Честно говоря, несколько неожиданно для «Года с русскими поэтами».

– Такие фрагменты иной раз несут в себе больше поэзии, чем если бы поэты рассуждали о литературе, о поэтике, о творчестве. Это может показаться парадоксальным, но в нашей словесности есть поэты, которые в прозе были большими поэтами, чем в своих стихах. Прочитайте в календаре письма Ивана Аксакова своей невесте – это удивительное чтение, настоящая поэзия. Та самая, о которой архиепископ Иоанн Сан-Францисский (как известно, в юности он был поэтом, а стихи писал до конца своих дней) сказал: «Поэзия – это не те стихи, которые мы пишем. Она лучше».

«...И Богородицына слёзка Над хрупким нашим бытием»

Медведь-лежебока

Я давно мечтал познакомиться с этим человеком. У нас было довольно много общих знакомых, и договориться о встрече, наверное, не составляло труда, но я отчего-то ждал, что течение жизни само вынесет меня к порогу Льва Алексеевича. Странная уверенность в этом жила во мне с детства – когда дедушка прочитал мне сказку Бианки «Как муравьишка домой спешил». Мне было четыре года, а эта книжка с рисунками Токмакова тогда только-только вышла в свет. В ней было все, что нужно в четыре года для счастья: приключения очень милого и знакомого существа (муравьи в изобилии жили у нас во дворе), счастливое избавление от всех опасностей и возвращение в родной дом. Почувствовать себя муравьишкой помогали рисунки, где весь мир был нарисован с точки зрения насекомыша: колокольчики, трава, картофельная ботва – как лес, а муравейник на последней странице – выше леса, он будто подпирает небо.

Как в детстве мне свято верилось, что муравьишка успеет к себе в муравейник до заката солнца, так верилось и в то, что я непременно встречу со Львом Алексеевичем.

И вот он встречает меня у лифта: скорее, старый моряк, чем старый художник. Крепко сбитый, со шкиперской бородкой и походкой вразвалочку (это потом я пойму, что в такой походке виновато не море, а больные ноги).

До чего хорошо было сумерничать в его тесной мастерской, прилепившейся, как ласточкино гнездо, под самой крышей ничем не приметельной высотки на окраине Москвы.

– Когда мне дали эту мастерскую, – рассказывал Лев Алексеевич, – и я вошел сюда, это был пустой маленький ангар. И я понял, что если я дух сюда не впущу, то ничего у меня не получится.

– И как вы его впустили?

– Я его позвал, и он пришел. Вместе с книгами и вот с этим старым зеркалом – оно хорошее, еще купеческое...

Рядом со Львом Алексеевичем было светло, уютно и надежно. Мир снова был круглым – как в детстве, как в книжках Токмакова. У него острое чувство круга, а значит, гармонии. Посмотрите: в его рисунках все вписывается в круг, все тянется к нему и все в нем умещается. Мир предстает будто только что сотворенным – без острых углов. Уютно шарообразны не только одуванчики и дети, снеговики и облака, птенцы и воздушные шары,

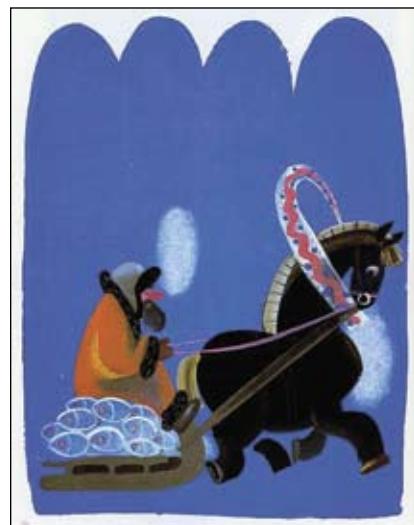
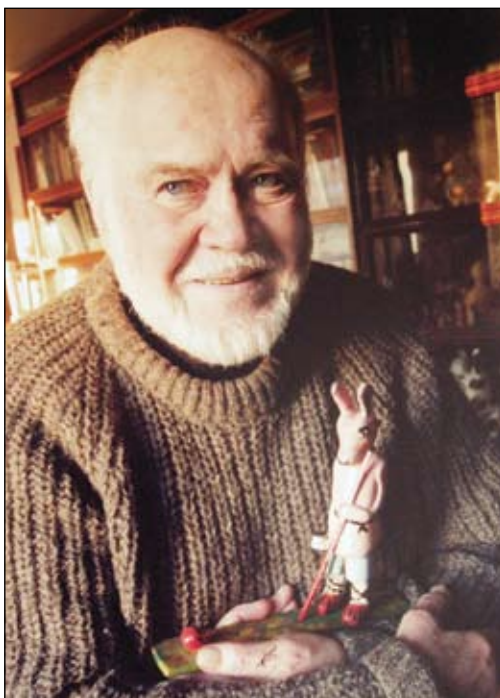

Иллюстрация к русской сказке
«Лисичка-сестричка и серый волк»

лошади и медведи, грибы и лужи – округлы даже грузовики и школьные парты...

Итак, 12 июня 2009 года благодаря одной доброй душе наступил тот счастливый для меня момент, когда мы встретились со Львом Алексеевичем. А потом была и вторая, и третья встреча...

Однажды я пришел к нему с книжкой, где был портрет поэта Дмитрия Веневитинова. Лев Алексеевич, как увидел этот портрет, сразу же прочитал наизусть строки:

*Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренных уроков,
С глаголом неба на земле...*

Потом я нашел это стихотворение Веневитинова. В примечаниях сказано, что это последнее стихотворение юного поэта. (Кстати, мало кто знает, что Лев Токмаков всю жизнь писал стихи, у него вышло два поэтических сборника).

Мне, конечно, хотелось сделать интервью со Львом Алексеевичем. Но как раз это и не получалось у меня, не складывалось. Все думалось: как хорошо общаться просто так, а интервью подождет. Хотелось просто слушать и слушать Льва Алексеевича...

В страшно жаркое и дымное лето 2010 года Лев Алексеевич Токмаков не смог уехать из Москвы. Ему было очень тяжело. Но каждый день он спускался во двор, чтобы полить любимую березку. По телефону рассказывал близким: «Я ее сегодня полил, и я ей подарил 11 ведер воды».

А через три месяца мы простились с великим мастером...

В его последней книге, которая называется «Чудеса Господни», самая поразительная работа – та, где Творец сосредоточенно и благоговейно вдыхает жизнь в маленький голубой шарик, подбрасывает его, но ладони своей не убирает – на всякий случай.

В предисловии к книге Лев Алексеевич так написал: «Радостный миг: шарик не упал и уже не упадет никогда!...»

Дмитрий Шеваров

Рисунки, стихи, и притчи классика отечественной иллюстрации Льва Алексеевича Токмакова

КНИЖНЫЙ МАЛЬЧИК С МЕДНОГО РУДНИКА

– Дима, я как-то очень боюсь своего пустословия... Но, если ты просишь, попробую что-то рассказать. Я родился в 1928 году. Мы жили в поселке Медный Рудник. Мама была врачом.

Самая первая книжка, которая произвела на меня чарующее и загадочное впечатление, – это «Болото» Виталия Бианки. Она вышла в 1931 году. Там были очень странные рисунки Юрия Васнецова. Через много-много лет мы подружались, и я звал его Юрочкой. Но в четыре года для меня главным было то, что я узнал в этом болоте свое болото. Точно такое же было недалеко от нашего дома.

А потом мама купила мне книжку Евгения Ивановича Чарушина «Джунгли – птичий рай». Мой дядя Сергей увидел эту книжку и закричал: «Женька Чарушин! Да мы же с ним в Вятке в одной студии занимались...». Они оказались однокурсниками. Так Чарушин вошел в нашу семью – в моей башке, конечно.

«БОГА НЕ ТРОГАЙ!»

Когда я учился в Свердловске в пятом или шестом классе, то нас водили всем классом в ТЮЗ. И вот мы, звонкие ребята, идем по улице, балаганим себе. А дорога шла мимо Ипатьевского дома. И вот, помню, что мимо этого дома даже наши самые отпетые клоуны шли на цыпочках, все приутихли, никаких разговоров... Что-то неведомое и сильное заставляло нас умолкнуть.

А на Ипатьевском-то доме у входа висела черная доска, на которой было написано: «Общество воинствующих безбожников».

Вообще безбожное движение на Урале было особенно безумным и массовым. Однажды и я проявил себя на этом поприще. А дело было так. У нас по соседству жила на-

божная старушка Петровна. Я решил провести с ней работу: выдрал из тетради листок, нарисовал каляки какие-то, вроде карикатуры антирелигиозной. Потом залез на крышу к Петровне, добрался до конька и в печную трубу бросил эту свою листовку. Петровна обнаружила мое художество и показала бабушке. Здорово мне влетело: «Бога не трогай!» Это я запомнил. А детские кирпичики – они самые прочные в фундаменте человека.

О вере тогда не говорили, тем более с детьми. Я мог болтнуть где-нибудь... Знаю, что у бабушки в сундуке хранилась икона Богородицы. В голодные годы серебряную ризу с этой иконы бабушка снесла в торгсин. Она считала это большим грехом и говорила: «Я с Богородицей поссорилась...». Она не раз это повторяла, и видно было, что она горюет, что это верующий человек говорит.

Все это во мне жило, но креститься как-то повода не было. В семидесятых годах мы снимали дачу в селе Благовещенское рядом с селом Средниково, а там служил отец Дамиан Круглик. И вот однажды уехала моя супруга в Москву, вскоре возвращается, говорит: «А меня в партию приняли!» И тут я брякнул, для самоутверждения что ли: «Ах так! Ну, а я завтра пойду креститься».

И пошел на другой день к отцу Дамиану. Помню, только покрестив меня, он сказал: «Как я вам завидую – вы сейчас без грехов...». С тех пор мы дружим семьями. Все трое батюшкиных детишек – Саша, Алеша и Лизонька – у меня занимались рисованием.

ЛЕКАРСТВО ОТ СЕРДЦА

Со мной произошел уникальный случай. Меня вылечила... война. В раннем детстве у меня нашли врожденный порок сердца. Мама – врач, и вокруг все врачи. А тогда считалось, что таким детям надо меньше двигаться. И мне прописали полный покой, запрещали бегать, плавать, никакой физкультуры. Поэтому я рос таким увальнем и пентюхом. Бегал, конечно, но украдкой. И вот началась война, маму назначили руководить санэпидстанцией в Свердловске...

① *Сотворение мира (иллюстрация из книги «Чудеса Господни»)*

② *Зимние звезды*

③ *Иллюстрация к книге Ирины Токмаковой «Времена года»*

В 1944 году меня вызвали в военкомат и сказали: «Иди, учись на инструктора лыжного спорта». Пошел, выучился и стал лыжником-инструктором. Так война вылечила меня от порока сердца.

ЗА КАРТОШКОЙ

Случайностей не бывает. Бывают только чудеса.

Вот, послушай, это было в войну. Поехал я вместе с двумя санитарками с маминой работы за город менять вещи на картошку. Ходили-бродили, в какой-то деревне заночевали. Я, ни сапог, ни плаща не снимая, рухнул на пол и уснул. А утром поезд обратно. Ташу мешок – два с половиной ведра.

Посадка была отчаянная. Один поручень был просто сорван толпой. Мне с трудом удалось протиснуться к единственному оставшемуся поручню.левой рукой я за него схватился, уместил на подножку одну ногу в сапоге и поставил на сапог мешок, держу его правой рукой. Стал уталкиваться, упихиваться поглубже в тамбур, но ничего не получается, хотя я был худой и довольно сильный парень. Так и остался полувисеть на подножке. И вот чувствую: правая рука затекает, слабею, но картошку-то выпустить нельзя, ее дома ждут. А поезд в это время заходит на железнодорожный мост, пытит, гремит на стыках. Я завис над бездной, сквозь шпалы вижу речку внизу, рука совсем слабеет, думаю: ну все, прощай, мама...

И тут вдруг из тамбура меня кто-то хватает за шиворот и втаскивает в вагон вместе с картошкой. После этого я не могу быть мизантропом, не могу не любить людей, ведь где-то среди них ходит, я верю, по Земле и мой спаситель.

НАЛЕВО ИЗ ОКНА

Робко, как пригостишка, я перешагнул порог «Детгиза». Там в коридоре стоял диванчик, просиженный аж до пола, на нем сидели молодые художники в ожидании хоть какого-то заказа. Иногда Борис Александрович Дехтярев, главный художник «Детгиза», ошастливливал их двумя-тремя картинками в альманахах.

«Детгиз» был в Малом Черкасском переулке. Окна дошкольной редакции выходили прямо на Лубянку. Стоило выглянуть на улицу, чтобы увидеть здание КГБ и понять, что

сидеть без работы на диване – не самое плохое из того, что может случиться в жизни. Там я сочинил такой стишок:

Бывают хуже времена:

Смотри налево из окна.

Но вскоре я понял, что буду сидеть на этом диванчике до старости, и пошел в издательство «Молодая гвардия». Там мне сказали: «У тебя, парень, приличные рисунки натурные, мы запишем твой телефон и позвоним, когда будет работа». Но, конечно, не звонили. Наверное, у них вся книжка была записана моими телефонами. Однажды прихожу и говорю: «Поздравьте, у меня сегодня юбилей». Они уши торчком: ну, давай выпьем, а юбилей-то какой? «Сегодня ровно год, как я к вам хожу». И мне сразу дали работу. «Расцветай, родная степь!» Так называлась книжка казахского писателя Сабита Нуканова про целину, и мне дали обложку сделать.

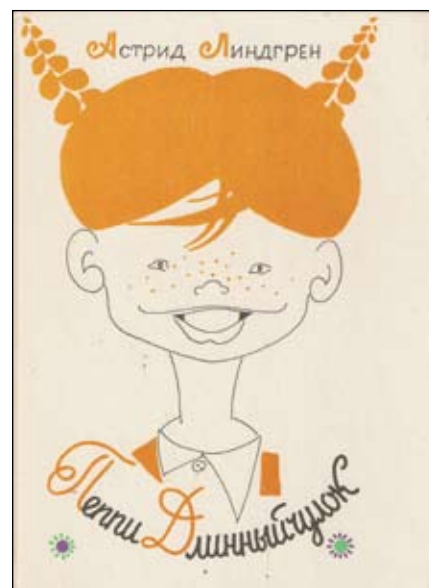
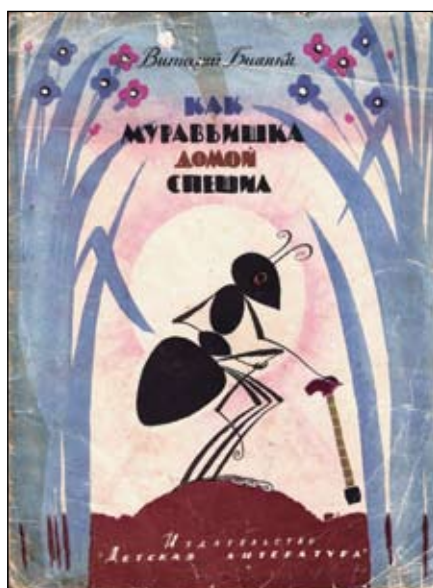
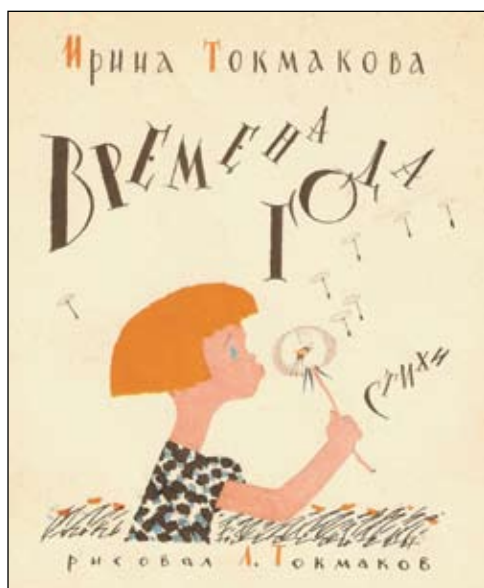
А потом в пионерской редакции мне вручили рукопись книги «Петр Есько и его отряд». Я всю ночь читал и обратно повез. Чудовищно бездарная книга. Кстати, у меня голова рассчитана на три точки опоры: текст, которой мне нравится, доброжелательное отношение ко мне издательства и чтобы дома все было хорошо. Если хоть одной опоры нет, дело плохо.

Так вот, иду по коридору издательства, народу, как всегда, много вокруг: «Привет-привет...», «Как дела?...», «Да вот иду отказываться от рукописи...». И все знакомые молодые художники смотрят на меня, как на самоубийцу: разве можно отказываться?! Тебя же больше на порог не пустят! А я шел, как оловянный солдатик. И отказался. А все получилось с точностью до наоборот: взамен «Есько и его отряда» мне дали Джанни Родари «Джельсомино в Стране лжецов».

ПОЧЕРКУШКА

Как важно попасть в художественную атмосферу! Такая атмосфера была в «Молодой гвардии» благодаря Виктору Михайловичу Плешко, художественному редактору.

Для создания великого искусства, да и не только великого, а просто подлинного, нужен великий заказчик. Это закон. Так вот, Витя Плешко был таким – фронтовик, морской пехотинец, разведчик, боксер! Мощный был человек,

бесстрашный. Его высшей похвалой для работы художника было сказать густым басом: «О-о-о, наха-а-ально!»

У него было невероятное чутье на все талантливое. Он-то и открыл во мне детского художника. Однажды Плешко перевернул мой очередной эскиз обложки, чтобы на обратной стороне завизировать его, и увидел там мою карандашную почеркушку: мальчишка бежит за котом.

«Слушай, – говорит, – да ты же детский художник!». С этого началась моя биография. И представьте, какие от-важные были люди: он тут же дал мне для иллюстрирования рукопись Бориса Заходера.

Для Бори Заходера это была его самая первая книжка. А он, оказывается, сам просил: только не давайте знаменитому, дайте оформить мою книгу молодому. Потом мы с ним дружили, все виннипуховы пыхтелки-сопелки он мне читал – звонит ночью и читает.

В СПИСКАХ СУДЬБЫ

Бывает, ты выпал из работы, не рисуешь. Как трудно потом вернуться! Делаешь десятки, сотни вариантов, меняешь цвет, композицию, а у тебя не получается, все мимо, мимо. И вдруг чувствуешь, что Господь тебя простил, простил твое отсутствие на художественной стезе. Какой-то голос внутри говорит: «Дурачок, хватит тебе, слушай меня...». Начинаешь слушать – и будто кисточка вернулась из левой руки в правую. Сама рисует. И сразу из ничего все получается!

Или вот бывает такая книжка, где нужно какую-то нечисть изобразить. А она, пусть и сказочная, но все же нечисть. Душа у тебя сопротивляется. Не знаешь, что и делать.

Так было у меня однажды с книжкой «Крабат» знаменитого немецкого писателя Отфрида Пройслера. Ничего не получалось, и я в уныние впал. Давно это было, еще в начале 1970-х годов. Пожаловался одной знакомой монахини, и она дала мне молитву Богородице: «Богородица, Дева радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобой...». Дала эту молитву на бумажке и

④ Школьница в библиотеке

⑤ Иллюстрация к книге Иртны Токмаковой «Маруся еще вернется»

⑥ Автограф художника

сказала: «Сел рисовать – читай, поднялся – снова читай. Там, где появляется нечисть, – там усиленно читай...».

Я никому об этой истории не рассказываю, потому что – ну кто поверит?.. А дальше было вот что. Вернулся домой, помолился, как умел, и опять пытаюсь за работу взяться. И в самой серединке работы я вдруг услышал голос, очень красивый, с таким внутренним эхом, неизвестно откуда исходящий. И этот голос мне сказал... Слов я не уловил, я только услышал смысл: «Ты все правильно делаешь...» Это была не похвала моим рисункам, а одобрение того, что своими рисунками я нейтрализовал злые образы, лишил их жала.

После этого я стал писать и рисовать книгу «Чудеса Господни». Много лет работал, а когда закончил – не знаю, что делать дальше. Атеизм вроде рухнул, но издательства тоже рухнули. А те, что остались, – боятся.

Долго – двадцать лет! – не было издателей. Однажды мне удалось показать свои библейские рисунки митрополиту Ювеналию. Ему понравилось, и он написал благословение: «Иллюстрации художника Льва Токмакова на библейские темы являются попыткой проникнуть в духовную суть великих и святых событий и донести их вечное содержание до детских сердец. Да благословит Господь всех открывающих страницы этой книги».

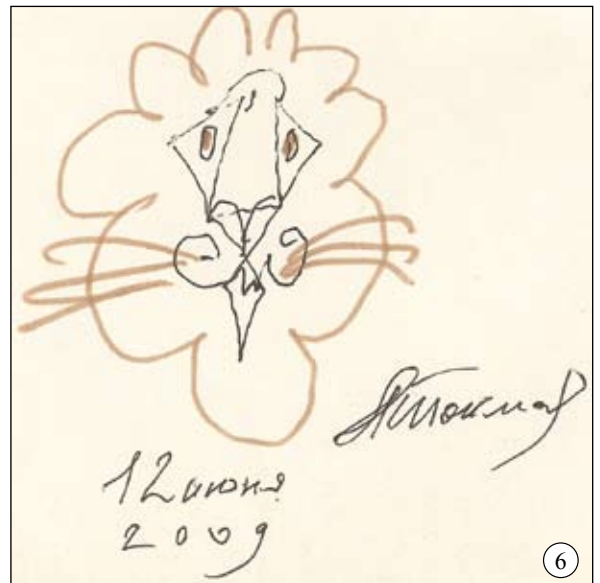
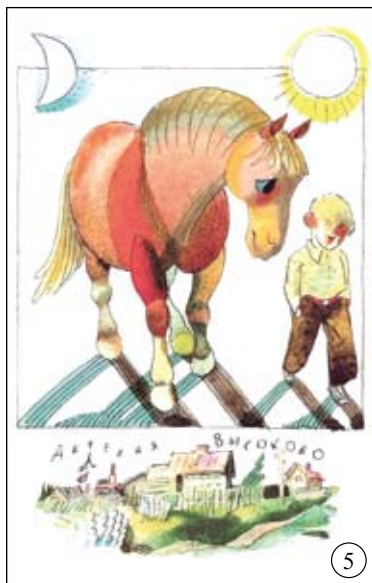
Вскоре мне позвонили из издательства. И вот – «Чудеса Господни» перед вами...

* * *

*Нас примиряют с миром тайны
Не свет, а ответ фонаря,
Пасьянса строй полуслучайный,
Цветок в разломе янтаря,*

*И неопознанных предметов
Влиянья смутные на нас,
И солигаличских портретов
Душа, сокрытая от глаз,*

*И микрокосмос в капле воска
Во всем величии своем,
И Богородицына слёзка
Над хрупким нашим бытием.*

Марина Нецветаева

Беби-бум местного разлива

В нашем третьем «Б» демографический взрыв. Пять мам ходят с животиками. Еще две уже родили и теперь носят на собраниях грудничков в слингах. Детки в основном третьи. Старшие братья и сестры, одноклассники моей дочери, привыкают к новому статусу. Процесс непростой, стихийный и непредсказуемый. Успеваемость просела, количество опозданий увеличилось. Но в целом все довольны. Быть «взрослым» – привилегия; друзья счастливчика получают право покатать коляску. Беременные мамы собирают комплименты. «Какие вы молодцы! Мы бы тоже, но...» Вот так незаметно класс разделился на две партии: «Да» и «Ню». Почему же одни решаются на многодетность, а другие – нет?

ХРАБРЕЦЫ

Как ни странно, уровень дохода на решимость не влияет. Например, Соколовы живут в новостройке с подземным паркингом, зимние каникулы проводят в Европе, летние – на Гоа. А Софроновы обитают в хрущёвке, вроде моей, и выбирают лишь на деревню к бабушке. Тем не менее, есть некоторые исходные условия, объединяющие всех отважных членов партии «Да». Первое – здоровье. Среднее московское здоровье, без диабета, порока сердца и прочих ужасов. Нечто хроническое есть у всех,

однако никому не приходится вынашивать малыша, лежа под капельницей. Мамочки выглядят бодро и свежо. Второе – стабильный заработок мужа. Он может быть выше или ниже, но он есть сегодня и будет завтра. Третье условие – прочный мир между супругами. Под словом «мир» подразумевается отсутствие проблем, делающих совместную жизнь невыносимой. Ни алкашей, ни домашних тиранов, ни ходоков среди наших многодетных пап вы не найдете. Четвертое условие – независимость. В одних семьях есть помощники в лице дедушек и бабушек, в других нет, но в целом старшее поколение никак не влияет на ситуацию. Молодые родители ничего не ждут и не требуют от стариков. Впрочем, современные старейшины – народ своенравный. Раньше бабушкам подкидывали внуков, и те покорно впрягались. Нынче не то: делают, что хотят! Бабушка Соколовых оставила хозяйство на деда и переехала из Бруклина в Москву, чтобы сидеть с младшей внучкой. Ей раньше все некогда было, а теперь решила восполнить пробел. Дети, надо сказать, слегка опешили. Но ведь не откажешь родному человеку! А Софроновым лишняя пара заботливых рук очень бы пригодилась, но их

родоначальница занята. «Вы родили, вы и растите, а я еще пожить хочу!», – категорически заявила она. Все очень серьезно. У бабушки бойфренд, у бойфренда кролики и куры. Скоро свадьба.

ОСТОРОЖНЫЕ

Партия «Ню» отличается от храбрецов тем, что в их данности не хватает какого-то из четырех условий. Самая частая ситуация: у мужчины в кошельке то густо, то пусто, поскольку его предприятие работает «под заказ»; жене на госслужбе платят

Создавая условия для роста рождаемости, мы должны думать о том, чтобы такого рода современные условия распространялись и дальше – на период, когда происходит становление молодого организма, на период развития молодых граждан, я имею в виду школьный период.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев

хоть немного, но регулярно, так что ежедневные мелкие траты – на бензин, связь и коммуналку – осуществляются за ее счет. Другой вариант «Ню» – постоянный фактор напряженности в семье. Пьющий взрослый или трудный подросток. Третий вариант – родители выплачивают ипотеку и стараются удержаться на рабочем месте любой ценой, даже когда условия труда откровенно кабальные. Тут уж либо кредит, либо декрет. А есть семьи, где все вроде бы гладко. Взять, например, Наташу с Олегом. Растят близняшек в отдельной квартире. Иномарка, три престижных диплома на двоих и даже бабушка под боком. Именно таких мам и пап в православных СМИ принято клеймить как эгоистов, думающих только о комфорте. Чего бы третьего не родить? Проблема в том, что Наташа страдает вегето-сосудистой дистонией. Пустяковый диагноз: в наше время ВСД наблюдается у 60% женщин. Но у Наташи болезнь протекает так, что с пятого месяца беременности она превращается в инвалида. Попытка выйти из дома заканчивается обмороком. Любые физические усилия

приводят к тому же результату. То есть ни в магазин сбегать, ни пол помыть, ни белье развесить. При этом ни один роддом не будет держать пациентку с ВСД «на сохранении» больше 10 дней: нечего койко-место занимать. Сиделка стоит 1000 рэ в сутки – сами понимаете. Когда Наташа носила мальчишек, ей помогала свекровь, но с тех пор та сильно сдала и на данный момент почти обезножела. Олег уходит рано, приходит к полуночи, забота о старушке лежит на плечах невестки. Наташа возит ее по врачам, мотается в «Ашан» за продуктами и еще успевает где-то подработать, чтобы не терять квалификацию эконоимста: мало ли что. Все передвижения ребят тоже обеспечивает она. В школу – из школы – на секцию – домой. Пацаны и сами бы справились, вот только дорога на редкость противная. Мимо гаражей, детской площадки с бомжами и стройки с гастарбайтерами. Дворами до школы им минут двадцать пешком.

В объезд на машине вдвое дольше, но Наташа – здравомыслящая мать. Она предпочитает торчать с детьми в пробке и не

тревожиться за них. Конечно, к шестому классу парни получают долгожданную самостоятельность. Но «эгоистке» Наташе тогда уже стукнет 40, и вряд ли этот этап будет отмечен декретом.

МАМЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Нынче дети рождаются все позднее и позднее. Это общемировая тенденция, связанная не с грядущим концом света, а с развитием высоких технологий. Усложнилось производство – значит, человеку требуется больше времени, чтобы постичь его законы. В доиндустриальном мире люди социализировались быстро. Крестьянские мальчишки к 16 годам владели полным набором отцовских умений, дворянские – получали офицерский чин; девочки из всех слоев готовились к замужеству. Вот тебе, Родина, новое поколение строителей, родителей и защитников. Теперь представьте себе современного тинейджера¹ ... да хотя бы на птицефабрике.

¹ от англ. ...teen – окончание числительных от 13 до 19 и age – возраст.

Страшно? И правильно. Чтобы стать специалистом, способным приносить пользу, а не вред, ему понадобится еще лет 10 хорошо мотивированной учебы и упорного труда. За это время молодой человек научится ответственности и дозреет до отцовства-материнства. Сегодня растягивается именно молодость, период ученичества. 30 лет – рубеж юности, а ведь еще недавно он считался серединой жизни, после которой начинается спад. Рубежи сдвинулись, но, увы, лишь в социальном плане. Люди по-прежнему стареют. Средний возраст храбрых мам в нашем классе – 38 лет. Это значит, что все хронические болячки у них резко обостряются как раз тогда, когда младшие дети пойдут в школу. Мне трудно представить, чтобы мама первоклашки стала проводить дни в поликлинике. Ей некогда будет. И не на что. Придется самостоятельно поддерживать себя на плаву. С больной селезенкой, артритом и давлением можно ужиться, глотая таблетки. А зубы – да это вообще предмет роскоши! Впрочем, по новому закону, женщины, родившие 10 детей, имеют право на бесплатное протезирование. Таких семей в России раздвигать и обчелся. В крупных городах они практически не встречаются, в основном в глубинке. Пока мама выкроит время, пока выберется в город к дантисту... В общем, Минздравсоцразвития может спать спокойно. Многодетные страну не разорят.

ШКОЛА ПРОТИВ СЕМЬИ

А что делают старшие дети? Разве не им положено заботиться о младших, пока родители работают? В воображении сразу возникают трогательные картинки. Вот девочка катает сестренку на закорках; братцы несут тятке обед в поле; юная пастушка гонит гусей хворостиной, а вокруг нее мал мала меньше... Стоп. Дежавю, оно же явление ложной памяти, оно же ощущение, что это уже было. Ну, конечно, – в «Азбуке» Толстого. Хорошая книжка, прекрасно иллюстрированная. Моя дочь училась по ней читать. «А где их школа?» – спрашивала она, ткнув пухлым пальчиком в картинку, на которой изображены были подростки в окружении малышей. В четыре года она твердо знала: все большие дети – школьники. Школа – это работа такая. Теперь дочь тоже школьница, и все этапы, прожитые со старшими, повторяются снова. Прописи, война с петерсоновской математикой, сборы рюкзака. «Мама, мне надо сделать

московведение!» – в ужасе шепчет она, натягивая пижаму. На часах полночь.

Недавно на родительском собрании одна из храбрых мам поинтересовалась, нормально ли это, когда ученик проводит за домашкой три часа. Ей мягко объяснили, что все зависит от ребенка. Есть дети собранные, а есть медлительные, «тормозы». Главное – не ругать. Родители медлительных дружно выдохнули: ура! наши укладываются в норму, они обучаемы. Значит, будем обучать любой ценой – за счет прогулок и отдыха, то есть здоровья; за счет игр и общения. Сегодня старшим детям просто некогда возиться с младшими. Учеба выстроена, как доминантный процесс, исключаяющий все другие. Но это еще полбеды. Настоящая же беда в том, что образование – последний социальный лифт, оставшийся в России после распада СССР. Да и тот грозит обесточить. Взрослым приходится либо драться за учебу, либо смириться с неизбежной люмпенизацией детей (а следом и внуков). Вот мы и деремся. Восьмой урок в третьем «Б» кончается в полчетвертого. Некоторых забирают, но большинство ребят разбегается по этажам. Их ждут кружки и студии. Школа полного дня – спасение для работающих родителей и многодетных мам. Ребенок сыт, присмотрен, да еще и занят чем-нибудь полезным! В старину подрастающих детей стремились приобщить к родительскому ремеслу, сегодня – приобщают к спорту, искусству и языкам. Принято считать, что родителями юных та-

лантов руководит тщеславие. Честолюбцы есть, но их мало. Чаще срывает желание защитить. Смягчить давление школы и удержать от соблазнов улицы. «Пусть она троечница, – говорит мама Влады, – но зато у нее есть любимое дело!» Влада, средняя девочка в многодетной семье, занимается в театральной студии. Звезд с неба не хватает, но речь уже исправилась, зажатость ушла. Театр – единственное место в школе, где Влада чувствует себя хорошей. Потому что у доски она плохая. И, скорее всего, останется такой до конца школьной жизни. Учителя будут вяло корить Владу и попинывать маму: мол, запустили дочь, не справляетесь. Успеваемость – основная претензия школы к многодетным. У мам, занятых малышами, катастрофически не хватает времени, чтобы контролировать учебу старших. Денег на репетиторов тоже не хватает. А программа построена так, что самостоятельно нагнать пропущенный материал невозможно. В плохих школах неуспевающих детей гнобят. В хороших – стараются поднять самооценку, придумывая разные дела. Вовлеченность в дело худо-бедно позволяет уберечь ребенка от наркотиков. Дети без интересов рано или поздно пускаются во все тяжкие.

НЕГЕРОИЧЕСКАЯ ЛИЗА

У Лизы только один ребенок. Лиза относится к партии «Но» и очень переживает из-за этого. Она развелась с мужем, который... А что он, собственно,

такого делал? Ну, напивался порой. Ну, мог врезать под горячую руку – так ведь не до крови же. Ну, пахло от него иногда чужими духами, – так с кем не бывает? «Могла бы и потерпеть, – вздыхает Лиза, – смирения не хватило». Будучи человеком верующим, она винит себя в разрушении семьи. «Ах, если б я уломала его венчаться!», – сокрушается она. Но вернуться к бывшему супругу почему-то не торопится. Подозреваю, что он эскжену с ребенком тоже не ждет: по крайней мере, никто никогда не видел, чтобы Лизиного сына провожал в школу папа. Лиза очень старается обеспечить ребенка всем необходимым. В понятие «необходимого» входит... угадайте, что? Одежду покупать ей почти не приходится: другие мамы охотно делятся вещичками. Еда? В школе у нас вкусные обеды, да и не настолько уж плохо Лиза зарабатывает, чтобы не прокормиться вдвоем. Необходимое – это друзья сына. Лиза старается вписаться во все поездки и походы. Она несколько раз отпрашивалась с работы, чтобы успеть на соревнования по плаванию, в которых участвовал наш класс. У Лизы по выходным непременно «тусит» (от *тусовка*) кто-нибудь из третьего «Б». Ей принадлежала продвинутая идея «родительских суббот» – когда несколько семей по очереди принимают знакомую ребятню, тем самым разгружая и поддерживая друг друга. Не пошло. Оказалось, далеко не все готовы жертвовать выходными, привечая у себя чужих детей. Одни мамы из нашего класса считают Лизу

перфекционисткой, другие – гением коммуникации. Но Лиза – ни то и ни другое. По натуре она тихоня. Ей было бы проще замкнуться, отгородиться от мира в своей беде. Уйти с головой в Сеть и там «налаживать» личную жизнь. Но она борется с собой ради сына. Вот только неизвестно, удастся ли ей выиграть эту борьбу. Ведь матери-одиночки никому не нужны. Для них не существует программ поддержки, про них не пишут православные газеты. Одинокая мать символизирует крах семейных ценностей. Зачем же освещать такое нездоровое явление? Хотя Лизин случай, на мой взгляд, свидетельствует как раз о попытке выздоровления. Потому что жизнь с человеком, который истязает ближних, – не брак, а бесчинство. Ладно, бесчинство можно и вынести; более того, есть шанс, что самоотверженность одного из супругов спасет другого. Но дети, перенимая родительский опыт, вряд ли будут считать семью осколком рая на земле.

ПАРТИЯ МУЖЕСТВА

В отличие от политических партий, партия «Да» и партия «Но» относятся друг к другу с большой теплотой. Многодетные не считают малодетных отступниками; тем, в свою очередь, не придет в голову бросить: «Ишь, понарожали!» Серьезных разногласий нет, а несерьезные не в счет. Мы же одно дело делаем – растим детей. Вместе стоим на линейке первого сентября; вместе переживаем из-за двоек, гордимся пятерками, при-

страстно оцениваем учителей. Вместе тревожимся, боеем, выздоравливаем. Мы не надеемся на государство. Как на него надеяться? Оно такое слабое, пока окрепнет и образумится – нынешние третьеклашки успеют стать родителями. Всем нам, богатым и бедным, одинаково страшно за ребят. Но мы держимся. Среди нас есть и православные, и униаты, даже буддист имеется, только атеистов нет. Как в окопах. Отступить некуда. Раз Бог нам дал детей – значит, даст и любви, и ума, и мужества. Оно сегодня нам очень нужно. А с деньгами мы как-нибудь сами разберемся.

Да, чуть не забыла: все имена и фамилии, кроме моей, в тексте изменены. Но класс, действительно, третий.

СКРЕПЫ

*Случилось ли хорошее?
Благословляй Бога –
и хорошее останется.
Случилось ли худое?
Благословляй Бога –
и худое прекратится.*

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Протоиерей Андрей Ткачев

Бесплодное подражание

Мировая война потому и названа мировой, что прямо или косвенно затрагивает все континенты, стремится охватить оба полушария без остатка. Наш евразийский ум прекрасно помнит или хотя бы кое-как ориентируется в событиях, произошедших на Европейском театре военных действий. То, что случилось в Африке, нам интересно менее, а то, что имело место, скажем, в Океании или Меланезии, совсем не цепляется за память, поскольку прямо нас не касается.

Между тем в этих регионах Тихого океана происходили события чрезвычайно важные, если и не с точки зрения победы над Рейхом и его союзниками, то с точки зрения культурной и цивилизационной.

* * *

«Меланезия». Не шибко увлекаясь географией, я вряд ли узнал бы об этом районе Тихого океана, хотя островные государства, составляющие его, время от времени на слуху появлялись. Фиджи, Новая Гвинея, Соломоновы острова...

Эти родинки на теле океана, населенные преимущественно чернокожим населением, (отсюда общее название региона. С греч. μέλας и νησος – Чёрные острова), стали во времена Второй мировой базами американских ВМС. Там размещалась техника и живая сила, туда было привезено морем и сброшено с воздуха огромное количество грузов.

Так, местные жители, помогавшие при разгрузках, вступавшие в иные

Отличать ложь от истины обязан учиться всякий христианин. У лжи на лбу то, что она – ложь, не написано. Она рядится в одежды правды по принципу внешнего подражания. Тот, кто примет подделку за истину, согрешит. Пророком Исаией сказано (5, 20): «Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!».

формы знакомства с белыми вояками, впервые увидели бутилированную воду, консервы, военную униформу и прочие культурные атрибуты белого мира, о которых они дотоле не подозревали. Новейший «Робинзон», конечно, делился с новейшим «Пятницей» кое-чем из пайка, и туземцы узнали вскоре не только вид новых предметов, но и их вкус.

Потом война закончилась. Улетели с островов «большие птицы», унося во чреве живых и раненых. Уплыли корабли, погрузив в трюмы технику, дав последний гудок и оставляя в воздухе запах дыма. Туземцы остались. В их рту сохранился вкус шоколада и галет, кое-кто из них был одет в подаренный китель, кто-то пристрастился к курению «Lucky Strike». Но главное не в этом. Главное в том, что они как один были уверены: белые люди – посланники богов или почивших предков. Подарки белых – это подарки духов. Белые владеют благами не по справедливости. По справедливости блага принадлежат островитянам. Появление белых с подарками можно повторить. Это появление может быть управляемым при помощи культовых действий.

Вот нехитрый перечень идей, давших начало очень оригинальному культу под названием «карго». Слово это переводится, как «груз». Что же стали делать «несчастные люди-дикари»? Они стали вызывать транспортные суда и самолеты при помощи копирования действий службы обслуживания причалов и взлетных полос. Кто из нас не видел, как машет флажками некий человек самолету, выруливающему на взлетную полосу? Вот эти-то действия и сочли за действия ритуальные, за некие обряды и таинства жители Меланезии.

Дальше все очень смешно и грустно одновременно. Аборигены стали делать из дерева, соломы и камыша максимально точные копии винтовок, ракет, сигнальных флажков. С бутафорными винтовками на плечах они ходили строем, имитируя смены караулов. В деревянные ракеты они отдавали команды. Из камыша строили подобие диспетчерских пунктов, на которых с умным

видом глядели в самодельные карты и строили планы доставки грузов от духов на землю. Кое-где этот бред закончился быстро. Там, по всей видимости, люди были не то что поумнее – попрагматичнее. Но есть острова, где до сих пор с фанатичным упорством совершаются «разводы» и «вечерние поверки», где на построенных площадках ожидают вертолетов чернокожие люди с деревянными рациями в руках.

Вывод из этого явления очень простой. Перед нами люди, не имеющие понятия о подлинной сути происходящего и пытающиеся копировать чужую успешную деятельность одним лишь механическим повторением внешних приемов.

Фу-у-х! Выговорил. Теперь эту фразу можно повторить, поскольку она тянет на научное определение.

Перед нами люди, пытающиеся копировать чужую успешную деятельность одним лишь механическим повторением внешних приемов.

Смешно. Нечего сказать. Однако: «Над кем смеетесь? Над собою смеетесь».

Повторять внешние приемы, не проникая в суть дела, – да это же врожденный недуг всего человечества.

Кого талантливейший Лев Толстой начал «двигаться умом» в гордых поисках истины, он стал одеваться в лапти и в рогожи и шел с мужиками на богомолье. Бил поклоны, как они, дул на пальцы, прежде чем перекреститься. Правда, при случае не отказывал себе в удовольствии сказать интеллигентному собеседнику: «Я – барин». Ну чем не культ «карго»? Оделся в мужика, чтобы мужицкую веру найти и тем сердце успокоить. Но с переменной одежды внутреннее содержание не меняется. Машет флажками папуас, а ящики с «Пепси» духи не присылают.

Так, мальчик Волька в известной советской экранизации про Хоттабыча просит того сделать телефон. Джинн телефон делает. Но только внешне. Его телефон – это болванка во всем похожая на таксофон, но не имеющая внутреннего

соответствующего устройства и к сети не присоединенная, и оттого – бесполезная. Вот тебе и культ «карго». От него даже волшебник не застрахован, в случае если волшебник в технике ни «бум-бум».

Вся наша игра в демократию, это – культ «карго». Мы верим в магию демократических процедур, не давая себе труда заглянуть за «кулисы» демократического театра. Мы верим в то, что избирательные процедуры «сами собой» обеспечивают изменение (не власти, нет), но жизни к лучшему. Хотя уже один лишь голый слух должен был бы указать на тождество между прахом «иже в урне погребальной», и билетом «иже в урне избирательной».

Я всегда не знал, что делать – плакать или смеяться, когда звучат словосочетания типа «спикер парламента Киргизии». И дело не в киргизах. Мы сами не далеко ушли от них. Все эти заплаты из «небеленой ткани», пришитые к нашим, не столько ветхим, сколько особого покроя

ризам, способны со временем дать лишь «диру горшую». Баловство в игру по чужим правилам – лучший способ для негодея делать все, что он хочет, заручившись формальной поддержкой народных масс.

С точки зрения духовной, что отдавать приказы в соломенный «мегафон», что совершать бессмысленно-формальные демократические процедуры – одно и то же. Дикарь остается дикарем, со всем своим мировоззрением, со своими мухами в голове, хоть назови ты его вице-канцлером, хоть возведи ты его в приват-доценты. Вся наша современная история, вернее, все паскудство ее, заключается в обезьянничании, в копировании внешних форм без приобщения к творчеству, эти формы породившему.

Иной демократ готов словесно прогнать оппонентов и бороться за идеалы демократии, но спать на соломе и жевать сухой хлеб, как оный патриций, не готов. И сына родного за измену жене убить не

готов не только собственной рукой, но и любой другой рукой. Пить только воду и укрываться тощим плащом поборник «идеалов Рима» не захочет, хоть ты застрели его. Зато приобщиться к славе Рима, гаденьш, очень даже не прочь, и для этого рвет глотку в словесной борьбе за демократические процедуры.

Все это – «карго». Паршивое, смешное и недоношенное «карго». И больше ничего.

Все демократы и либералы наши очень органично смотрелись бы в старом кителе с соломенными погонами, маша бамбуковым флажком невидимому самолету, ко-

Есть тысячи подмен с тупым и смешным подражанием ранее сложившимся формам... Многие слишком серьезно относятся к пустым и бесплодным оболочкам

торый вот-вот должен прилететь, неся на борту счастье. Но он так и не летит, а годы уходят, рождая сомнение во всеилии парламентских пассивов руками.

Кто-то, не приведи Бог, вообразит еще, что западная жизнь есть рай, а мы – дикари, вызывающие «дух благополучия» копированием западных механизмов. Нет, дорогие, нет. Люди Запада так же податливы на общечеловеческую глупость, как и люди прочих частей света. Они вертят мебель по учению фэн-шуй, они медитируют в обеденных перерывах, они совершают паломничества к индуистским и буддистским монастырям Востока. Они разочаровались в собственной цивилизации и ищут счастья в тех таинственных областях, где восходит солнце. Они тоже смешны, эти медитирующие клерки и бизнесмены, бормочущие мантру. Они тоже – служители культа «карго», то есть люди, ищущие просветления и счастья путем

механического повторения чужих обрядов, чужих форм культурной жизни.

А ведь есть еще псевдонаука, где опыты якобы производятся и на что деньги из бюджета выделяются, а результата не будет вовеки.

Есть еще и игра в святость, где все посвященные в игру якобы святые, но на самом деле лишь балуются в подражание, но Духа не стяжали и, судя по всему, не стяжают.

Есть тысячи подмен с тупым и смешным подражанием ранее сложившимся формам. Только вот не всем это смешно. Многие слишком серьезно относятся к

пустым и бесплодным оболочкам. Случись тебе над этим вслух посмеяться – глотку могут перегрызть.

А ведь это лишь «карго», и только «карго».

Отличать ложь от истины обязан учиться всякий христианин. У лжи на лбу то, что она – ложь, не написано. Она рядится в одежды правды по принципу внешнего подражания. Тот, кто примет подделку за истину, согрешит. Пророком Исаией сказано

(5, 20): «Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!».

А вот как не перепутать бесхитростную правду с правдоподобной ложью – вопрос. Для всякого верующего человека есть реальная угроза: всю жизнь махать флажками на той полосе, на которую никогда не прилетят самолеты. Есть опасность являться служителем культа «карго» при полной уверенности в том, что ты – христианин. Причем, христианин православный.

* * *

Соломенные погоны истлели. Винтовку из хвороста объели мыши. «Взлетная полоса» заросла травой, потому что по ней никто не летает.

«Плюну-ка я на это бесполезное чудачество, – думает простой человек, – и займись тем, что прокормит меня и семью мою».

Притяжение Тарусы

Первую фразу моего очерка главный редактор когда-то вычеркнул недогнущей рукой. А фраза была такая: «У Тарусы нет характерного для русских городов силуэта — куполов храмов, увенчанных крестами...». «Религиозная пропаганда», — пояснил свою «правку» шеф.

Теперь силуэт любимого мной городка на Оке приобрел традиционный российский облик. Восстановлены два прекрасных храма, в советские времена пребывавшие в таком состоянии, что казалось: им никогда не ожить.

Один из них был возведен в XVII веке на самой высокой точке левого берега Оки — Воскресенской горке и именуется Воскресенским. В его восстановление вложил много сил настоятель протоиерей Леонид Гвоздев, а тарусяне — художница лауреат Государственной премии Ирина Страженецкая и ее муж замечательный скульптор Анатолий Камелин работали над внутренним убранством и прихрамовыми постройками. На месте бывшего здесь когда-то кладбища Камелин поставил резной крест из местного белого камня — в память всех христиан, похороненных на Воскресенской горке. По перезвону колоколов, дважды на дню разносящемуся отсюда далеко-далеко, можно сверять часы... А в праздничные дни в храм стекаются жители Тарусы и окрестных сел. Петропавловский собор — более поздний, построен в конце XVIII века. Теперь он также полностью восстановлен и украшает городскую центральную площадь. Центр Тарусы сейчас выложен плиткой, на месте, где когда-то был базар, летом бьет фонтан, у которого любят играть дети. А на берегу, у спуска к Оке, стоит памятник Марине Цветаевой.

Но все это благолепие умещается лишь на пятачке центра. Стоит сойти с

плиточного тротуара на обычную тропку — наткнешься на кучи тряпья, бумаги, банок-бутылок, пакетов. Хоть и появились кое-где мусорные баки, прохожие предпочитают швырять мусор где попало.

Несколько лет назад дом на нашей улице купила средних лет дама. До этого Татьяна много лет прожила в Стокгольме. Заграница ей стала в тягость («все чужие, холодные, и я там чужая»), с надеждой стать своей в городе на Оке она здесь и поселилась.

Но... не так-то оказалось просто человеку, привыкшему к шведскому быту, вписаться в нашу действительность.

— Ты чего помои на улице льешь?! — упрекала Татьяна соседку.

— Почему ржавая машина возле дома гниет, экологию портит! Опять фонарь на углу разбит! Деньги за вывоз мусора с нас берут, а помойку неделями не вывозят! — в городскую администрацию так и сыпались Татьянины жалобы.

Скоро женщина обрела известность далеко за пределами нашей улицы. Энергии на наведение порядка она не жалела. Перед своим домом изничтожила крапиву и разбила газон, чем вызвала неодобрение соседей: «Ишь, приехала и выпендривается, денег, видать, девать некуда!» Тем не менее, помои на улице больше не выливались, а ржавую машину вывезли на свалку.

Однако цена попыток благоустройства оказалась велика. Блустительницу эко-

логии соседи, которым после настоящих Татьянинных напоминаний городские власти пригрозили штрафом за антисанитарию, возненавидели. А в городской администрации и вовсе признали склочницей. За восстановление уличного фонаря тоже спасибо никто не сказал. Словом, гражданские порывы в масштабах одного квартала никто не оценил.

— Ты лучше это брось — всех критиковать, учить жизни и подводить под штрафы! — посоветовали Татьяне доброжелатели, — А то, гляди, сожгут!

Сейчас возмутительница спокойствия осознала, что в российской глубинке западноевропейские порядки неприемлемы, и подумывает, не продать ли дом вместе с газоном и садом, куда регулярно наведываются серьезные воры и мелкие воришки.

Но если вдуматься: какая же Таруса глубинка?! Древнее русское поселение, известное с середины XIII века, прославленное культурными традициями место, связанное с именами Цветаевой, Ватагина, Паустовского, Борисова-Мусатова, Заболоцкого, которые тут жили, творили, воспевали красоты природы и тем самым создавали особую здешнюю атмосферу.

По мере возможности, то есть в летний сезон, эта атмосфера поддерживается. Туристы посещают музей Цветаевой и могилу Паустовского (памятник на которой постоянно уродуют вандалы); в картинной галерее выставки местных художников, каждое лето музыкальный фестиваль,

О. Леонид

организованный в 1993 году Святославом Рихтером...

Беда в том, что контраст между этими высокодуховными акциями и жизнью улиц, где не горят фонари, где в дождь единственная пригодная обувь резиновые сапоги да галоши, где местное население мужского (да и женского) пола досуг заполняет пьянкой, где повымерли свои плотники и печники, а работников найдешь только среди таджиков-гастарбайтеров, этот контраст глубже, чем замусоренные овраги – достопримечательность тарусского рельефа. Ведь участниками духоподъемных, интеллектуальных акций выступают в основном столичные визитеры, число которых только чуть-чуть пополняет малую числом местную интеллигенцию.

И все же движение, кажется, есть, – хотя бы на уровне бытовой культуры. Обитатели кирпичных особняков, защищенных коваными решетками, помои на улицу не выплескивают, коз да гусей не выпускают. Но по мере того, как вымирают старожилы, пустеют и рушатся их бревенчатые избышки, на освободившихся участках возводятся современные хоромы, облик улиц сам собой, без усилий городских служб, меняется.

Сохраняется ли прежняя поэтически-художническая среда? Наверное, вопрос в том, из чего она образовалась. Старожилам трудно судить, но при первом знакомстве люди, очевидно, действительно ощущают в здешней атмосфере нечто такое, чего нет в других провинциальных городках и что конкретным определениям не поддается, только нечеткому – среда...

Секрет тарусского притяжения мне, например, видится в красоте природы, одухотворенной творческой энергией людей,

которые на протяжении нескольких веков отдавали ее этим истинно русским местам. Именно так: окружающий мир стимулировал прилив сил созидания, которыми наделена лучшая часть человечества.

Казалось бы, духовные потребности тарусян должны быть удовлетворены... Но отец Леонид – человек в городе известный и уважаемый больше двадцати лет здесь служит! – настроен скептически: – Должны-то должны... Количество людей посещающих храмы на моих глазах возросло и возрастает. Вопрос в том, насколько глубок в их душах процесс воцерковления. Да, в знаменательные дни, в церковные праздники храмы полны, число приходящих на исповедь увеличивается. Однако наивно ожидать, что после многих десятилетий разрушения, безверия Господь мгновенно воцарится в людских душах. Как и во всей нашей стране, у нас можно наблюдать отблеск единой тенденции: в начале 90-х прокатился вал стремлений приобщения к религии, ожидания чуда мгновенного духовного преображения, а когда этого не случилось, наступило разочарование; и хотя Церковь несет свою миссию, количество людей, истинно доверяющих себя Богу, невелико – был порыв к духовному преображению, да погас... Наступила некая пауза, которая, может быть, необходима для последующего порыва. А пока же социальный климат в обществе, где властвует потребительство, противодействует духовному возрождению. Храмы (в частности, храм по соседству, в селе Истомине) восстанавливались в значительной степени на средства новорусских богачей, добытые по большей части путем несправедным. Что толкает этих людей на подобные действия? Стремление искупить грехи? Найти форму демонстрации своего

единства с простым народом? Они и сами объяснить не могут. Так или иначе, положительный момент в этом деянии есть, он материализован. А произошли ли изменения в душе человека, который дорвался до возможности «делаю, что хочу»? Ведь христианская аскеза ограничивает эгоистические корыстные стремления, побуждает к воздержанию, а это подверженному пороку окружающему миру дается с трудом...

Наш город за последние годы преобразился, благоустроился, усилия городских властей в этом направлении нельзя не отметить...

– Отец Леонид, – перебила я собеседника, – многие, кто впервые приезжает в Тарусу, утверждают, что действительно ощущают здесь какой-то особый микроклимат и приписывают здешним местам чуть ли ни мистическую благотворную силу...

– Не стоит создавать мифы! Лесные дали, холмы, река – этой природной красоты уже достаточно для благотворной привлекательности. Художники и поэты ее почувствовали, оценили и своим здесь присутствием на протяжении многих лет способствовали эстетическому восприятию здешнего мира. Отраднo, что интеллигентная прослойка в Тарусе не утрачена, и, что особенно радостно, она воцерковлена по-настоящему. А в остальном – только Господь способен возродить в душе народа огонь любви и бескорыстия.

Природа вечна (если, разумеется, не вступать с ней в борьбу). А люди уходят... Но, уходя, оставляют новым поколениям нечто тоже вечное, исчезающее. Даже если пытаться это *нечто* задавить, уничтожить, вычеркнуть, оно все равно снова прорастет сквозь мелочную суету и бытовой мусор. Как случилось с двумя возрожденными храмами Тарусы. В этом секрет.

Такой была Таруса век назад

Сила веры против силы факта

Н.Н. Неплюев с воспитанниками

В Российской академии образования состоялась Международная конференция «Служение Богу и человеку в современном мире». Ежегодный форум, посвященный актуальным богословским и церковно-общественным проблемам, уже в 21-й раз созван Свято-Филаретовским православно-христианским институтом (СФИ) и Преображенским содружеством малых православных братств. В этом году к организаторам конференции присоединилась светская организация – известный социологический Аналитический центр Юрия Левады.

Все ли верующие христиане призваны к служению? Какие пути обретения служения существуют в наши дни? Над этими вопросами размышляли 800 участников из девяти стран (Румынии, Австрии, Люксембурга, Украины, Белоруссии и др.) и 25 епархий Русской Православной Церкви.

Служение как особое качество жизни – эта мысль одна из главных на конференции. «Мы должны хорошо понимать, что каждый, принявший крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа, призван к служению, – сказал проректор института Дмитрий Гасак. – Когда мы говорим о служении, речь на самом деле идет о качестве сердца человека, о качестве веры, надежды и любви, и об этом можно судить по плодам – насколько вера и любовь является действенной, насколько она «осоляет» все вокруг».

Конференция посвящена 160-летию со дня рождения просветителя, богослова и основателя Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюева,¹ и

¹ Истории Крестовоздвиженского трудового братства посвящена статья Н. Игнатович (Лампада. 2011. № 3 (78) май-июнь).

это не случайно. «Дело братства, – считал Н.Н. Неплюев, – только и может быть делом Божиим, и членами братства могут быть только те, которые искренно желают духовно возвышаться до честного служения на дело Божие». Одна из ключевых фигур духовной истории России, наследник древнего дворянского рода, к которому принадлежали митрополит всея Руси Филипп (Колычев) и крупный государственный деятель эпохи Екатерины II, устроитель Оренбургского края И.И. Неплюев, Николай Николаевич занимает незаслуженно скромное место в ее исторической памяти. А ведь он – едва ли не единственный, кто отказался от всех возможностей своего знатного рода ради воспитания в сознательной вере простых крестьянских детей и общей жизни с ними в Трудовом братстве.

В 1881 году он взял на воспитание 10 детей из бедных семей. Так зародилась будущая Воздвиженская школа. Больше половины выпускников братских школ выбирали жизнь в братстве. Братство состояло из общин, в которые объединялись братчики по роду профессии-

нальных занятий. Руководила братством Дума во главе с блюстителем.

Как писал Н.Н. Неплюев, «идея братства не наша, это – вечная правда, завещанная человечеству Христом Спасителем». Христианская любовь не может не воплощаться в единомыслии и единомыслии с братьями во Христе.

Опыт школ и братств Неплюева был высоко оценен св. прав. Иоанном Кронштадтским, проф. Московской духовной академии М.М. Тареевым, проф. Киевской духовной академии В.И. Экземплярским и др. Русский религиозный мыслитель В.С. Соловьев, размышляя о пути Неплюева, писал: «В том-то и все значение таких людей, что они не преклоняются перед силой факта и не служат ей. Против этой грубой силы того, что существует, у них есть духовная сила веры в истину и добро – в то, что должно быть. Не искушаться видимым господством зла и не отрекаться ради него от невидимого добра есть подвиг веры. В нем вся сила человека. Кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству. Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества».

За день до начала конференции в Культурно-просветительском центре «Преображение» (Московская область, Истринский р-н, пос. Красный, ул. Центральная, д. 18б) открылась выставка «Он не преклонился перед силой факта. Н.Н. Неплюев и его Крестовоздвиженское братство», где представлены фотографии, документы, книги из архивов потомков братчиков и столичных библиотек, копии документов и фотографий из собрания музея Н.Н. Неплюева (с. Воздвиженск) и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (Санкт-Петербург).

Подготовила Юлия Антитина

Выставка открыта для всех желающих и продлится до 31 декабря 2011 г. Посещение экспозиции по предварительной записи. Контактный тел.: 8-965-251-73-58.

(по материалам информационной службы Преображенского братства: <http://www.psmbr.ru>)

СДЕЛАНО В РОССИИ

Если составить карту нашей Родины, где возле названий весей и городов было бы показано, чем они славны, думается, это было бы необыкновенное, ни с чем не сравнимое произведение искусства. Мстёра, Хохлома, Дулёво, Палех, Торжок... – первое, что приходит на ум. И память тут же подсказывает: лаковая миниатюра, глиняная игрушка, фарфор, берестяные поделки, резьба по кости, золотое шитье... Русские народные художественные промыслы, наше, выражаясь современным языком, ноу-хау, известно во всем мире и пользуется во всем мире небываемым спросом.

Трудные поры, выпавшие на долю России, сказались и на их судьбе. Народное искусство стало приходить в упадок. Но нашлись люди, которые взяли возродить его. Речь в данном случае не о художниках, но о деловом народе, бизнесменах, опять же выражаясь по-нынешнему. И озаботились они тем, чтобы о произведениях народных мастеров стало известно как можно шире, чтобы они появились на прилавках магазинов, в демонстрационных залах, на выставках и фестивалях.

Пионером этого начинания стал Национальный культурный центр «Русский подарок», который без преувеличения можно назвать уникальным. В нем представлены более 20000 наименований подлинных сертифицированных изделий народных художественных промыслов России, любой из которых можно приобрести. Помимо этого Центр предлагает гостям экскурсии по музею декоративно-прикладного искусства, коллекции которого охватывают разные исторические эпохи и знакомят с художественным и идейным многообразием национального искусства. Посетителей центра ждут мастер-классы народного творчества, дегустации традиционных русских напитков, выступления народных фольклорных коллективов, специальные программы к календарным праздникам. Ресторан народной кухни предлагает гостям блюда и напитки, приготовленные по старинным рецептам, собранным в разных уголках России.

Приходите: ул. Зорге, 9а, стр. 2
Звоните: 8 (495) 223-4545
Читайте: www.td-nhp.ru

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

подворье Спасо-Преображенского Валаамского
монастыря (2-я Тверская-Ямская ул., 52)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими во-
ротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

собор Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

«Троицкая книга», магазин при Московском подворье
Свято-Троицкой Сергиевой лавры
(2-й Троицкий пер., 6-а, стр. 1)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицинской

(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свт. Николая в Хамовниках
(ул. Льва Толстого, 2)

свв. апп. Петра и Павла
на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

ISSN 2225-0271

